

А. ГЛОТОВ

ЧТО ТАКОЕ СУДЬБА?

Воспоминания
авиационного
стрелка-радиста

22 июня 1941 года.
Вечером 21 июня в субботу нас раз-
решили дать увольнительную в город.
Материн сапоги, принесли свечи, похва-
ла утренняя миса у проходной. Дежур-
ный "сидит" на телефоне. Вре-
мя 10 часов. Выходит дежурный и го-
ворит: "Братцы будьте за командиром, и
увольнительная не ждите."
Дело в том, что после офицера
на заочном квартир-
листе

2020

ББК 63.3(2)622,8ю14+68.52-1(2)62ю14
Г 54

Готов, Александр Александрович.

Что такое судьба? : воспоминания авиационного стрелка-радиста / А. Готов ; иллюстрации в тексте - автора. - Курск : Курская картинная галерея им. А. А. Дейнеки, 2020. - 88 с. : ил., портр. - Текст : непосредственный.

УДК 7.036:94(47)084.8(093.3)

Александр ГЛОТОВ

ЧТО ТАКОЕ СУДЬБА?

Воспоминания авиационного стрелка-радиста

К 75-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне Курская картинная галерея публикует воспоминания Александра Александровича Глотова (1921–2014). Небольшой текст охватывает события от мая 1937 до сентября 1946 года: в начале книги девятиклассник начинает занятия в лётно-планерной школе Осоавиахима, в её финале гвардии старшина Советской Армии, после демобилизации, отправляется учиться в Харьков. Между этими событиями – война, на которую попал восемнадцатилетний мальчик, с первыми вылетами на задание, полным опасностей выходом из вражеского тыла, буднями лётной школы в Средней Азии и возвращением на фронт.

Эта книга должна быть прочитана молодыми и старыми. Мемуары А.А. Глотова, по сути дела, – воспоминания «неизвестного солдата». В них нет пафоса и сентиментальности, но масса подробностей и деталей, делающих повествование объёмным и живым. Что позволяет нам – читателям – понять, что история складывается из повседневности, из множества «историй», поступков и впечатлений обычных людей.

Галерея Дейнеки благодарит семью автора за предоставленный материал и согласие на публикацию.

Иллюстрации в тексте автора – А.А. Готов

В оформлении книги использованы:
графические работы А.А. Дейнеки и Г.В. Храпака
из собрания Курской государственной картинной
галереи им А.А. Дейнеки

Иллюстрация на титуле –
А.Дейнека. Парашютный десант на Днестре. Эскиз картины. 1944

ЧТО ТАКОЕ СУДЬБА?

Александр ГЛОТОВ

Воспоминания авиационного
стрелка-радиста

А.А. Дейнека.
Атака фронтовых, 1942

МАЙ 1937 ГОДА

Александр Готов.
Конец 1930-х

В наш класс, 8 «А», курской школы № 9 по ул. Свободных граждан пришли два инструктора Осоавиахима и предложили ребятам записаться в кружки – «Юный Ворошиловский стрелок» и детскую летно-планерную школу.

На следующий день мы (нас было 6 человек) пошли в стрелковый тир, расположенный в овраге за улицей Глинище. Тогда это была окраина города.

Вначале мы стреляли из малокалиберной винтовки, а через несколько недель – из боевой винтовки в положении лежа, с колена, стоя. Стреляли по мишеням на расстоянии 300 метров. Мы выполнили нормы, и нам были вручены значки «Ворошиловский стрелок» 2 степени.

Вечерами два раза в неделю в помещении Аэроклуба (сейчас это на углу ул. Красной Армии и Александра Невского) изучали предметы «Теория полета», «Аэродинамику», устройство планера УС-4.

Вскоре подошло время практических занятий на аэродроме, где сейчас располагается Северо-западный микрорайон. В память об этом осталось название улицы – Аэродромная. Ирония судьбы – наш дом по ул. Орловская, 32, где мы живем, стоит на том месте поля, где я в июле 1937 года поднялся в воздух на высоту 20 метров!!! Но все по порядку.

Что из себя представлял планер УС-4? На деревянной лыже-полозе укреплено на пилоне крыло прямоугольной формы.

Под съемным капотом – сиденье, ручка управления элеронами, рулем глубины и две педали – рули поворота. Все управление – тросами.

Мы при подготовке выполняли ряд упражнений, вырабатывающих у нас простейшие навыки управления планером в воздухе. Принцип упражнений: от простого – к сложному. Вот эти упражнения.

УПРАЖНЕНИЕ 1. БАЛАНСИРОВКА

Планер устанавливается против ветра. Инструктор держит за крыло, потом отпускает его. Учет должен, управляя элеронами, удерживать планер от крена.

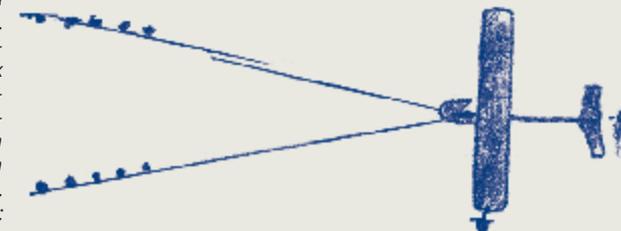
УПРАЖНЕНИЕ 2. ПРОБЕЖКА

Фала (веревка) цеплялась за замок в лыже, и команда из нескольких человек буксировала планер по земле. Учет должен был удерживать планер от крена.

УПРАЖНЕНИЕ 3. ПОДЛЕТ

За замок в носу лыжи крепится амортизатор, резиновый жгут толщиной 20 мм и длиной 50 метров. Хвост планера через специальный замок крепится к штырю, ввернутому в землю. Один из членов стартовой команды считает до 10 – хором все кричат «раз!». Еще 10 шагов «два!». Инструктор командует: «Старт!». Замок срабатывает, планер, как из рогатки, срывается с места, но взлетает всего на 1,5–2 метра.

УПРАЖНЕНИЕ 4. ПОЛЕТ ПО ПРЯМОЙ

К старту готовят планер, как в упражнении 3, но амортизатор натягивают на 50 шагов. По команде инструктора учет должен пролететь по прямой на высоте 5–8 метров.

Инструктор назначил меня механиком. В мои обязанности входила проверка рулевого управления, проверка амортизатора. Но эти же упражнения я выполнял наравне с другими слушателями.

И вот я сел в «кабину», стал готовиться к старту, но не знал, что мои товарищи сговорились натянуть амортизатор не на 50 шагов, а больше. Один из них считал до 15, потом хором кричали «раз». Так повторилось пять раз. Я чувствовал, как сильно натянулся резиновый жгут амортизатора – стал тонким. Инструктор тоже заметил что-то неладное. Кричит «Старт! Старт!». Я дергаю ручку замка, она не поддается, а ребята идут и идут. Наконец, замок открылся и сильно натянутый амортизатор рванул с места планер. Он взял по крутой траектории так, что я не видел горизонта.

Итак, Осоавиахим скончался, кончились и наши полеты.

Если бы я инстинктивно не отдал ручку рулей высоты от себя, планер упал бы с высоты 20 метров на хвост, как говорят летчики, «скабрировал». Планер круто пошел к земле, но я плавно потянул ручку на себя, планер перешел в горизонтальный полет, и я приземлился за границей летного поля. Какими «эпитетами» отчитывал нашу команду Маяков я не стану писать...

Вот так началась моя жизнь в авиации.

Но наши полеты внезапно прекратились. Настал 1937 год.

В этот год полетели головы многих высокопоставленных военачальников: В.К. Блюхер, П.П. Постышев, М.Н. Тухачевский... Среди них был и Р.П. Эйдеман – начальник Осоавиахима, это теперешний ДОСААФ, который и сейчас должен, по идее, готовить молодых к службе в армии.

ИЮНЬ 1939 ГОДА

Наш 10 «А» сдал выпускные экзамены.

Из 24 человек учащихся нашего класса 10 ребят стали выбирать свой путь во взрослую жизнь. Четверть поступили в военные училища – танковое, артиллерийское. Двое – это я и Исаак Зарецкий – решили поступать в Николаевский кораблестроительный институт.

Даже сейчас спустя 63 года я не могу толком объяснить, почему мы выбрали именно этот институт. Но выбрали и поехали в Николаев. Николаев – замечательный южный город, весь в зелени абрикосов, дома из ракушек и кораблестроительные заводы, основанные еще Петром Первым. Стоит он на слиянии двух рек – Южного Буга и Ингула. Поселились мы на квартире двух стариков по фамилии Рысь. За 2 рубля в день мы и жили, и питались у них. Относились они к нам как к своим детям.

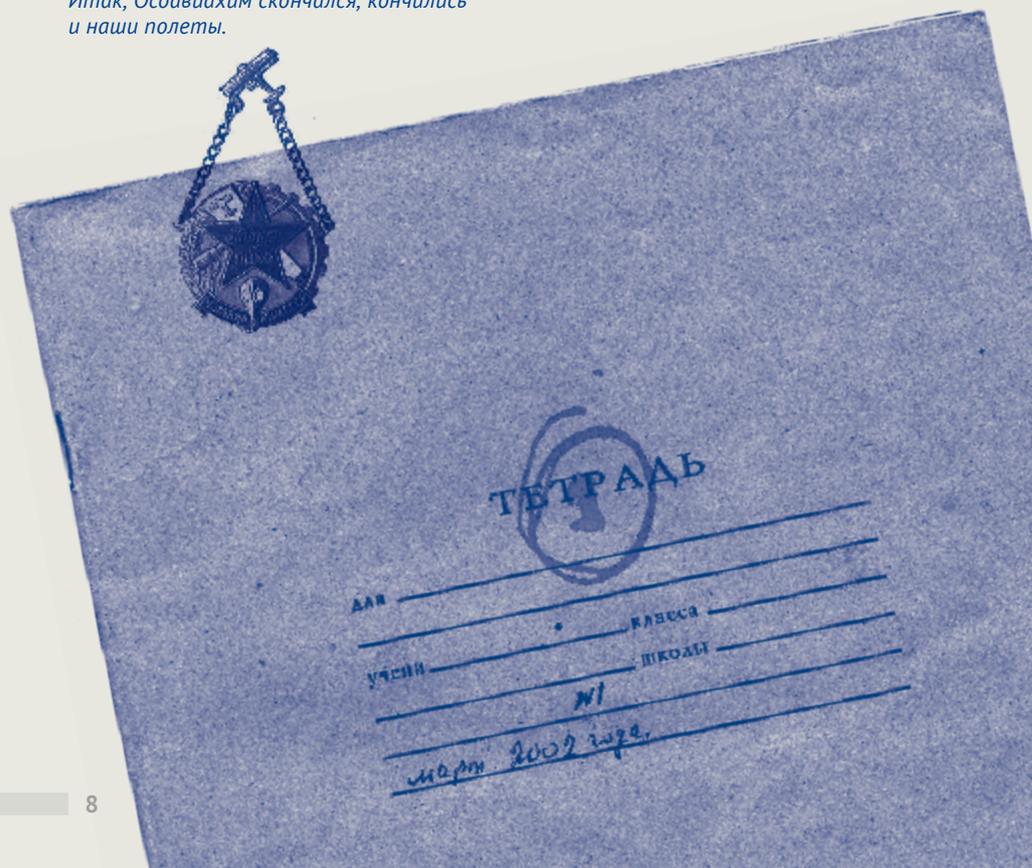
До экзаменов оставалось несколько дней, мы гуляли по городу, купались в Южном Буге. Там меня укусил анофелес – малярийный комар.

Наступила пора сдавать экзамены. В то время экзаменов было около 10. Математика – устная и письменная, физика, химия, русский, литература, история, немецкий, обществоведение, рисование, геометрия, тригонометрия.

А время на сессию – 10 дней. Были дни, когда сдавали два экзамена в день: утром и вечером.

Малярия (я еще не знал, что это такое) начала мне докучать ровно в 9 часов утра через день.

Сдали мы с Мишей (он категорически отказался от имени Исаака) экзамены. Ждем около приемной директора института. Я забыл его фамилию, но помню, что это была немецкая фамилия. (Юг Украины был еще во времена Екатерины II заселен немцами). Директор, когда мы зашли в кабинет, спросил у меня (а это как раз был мой «малярийный» день): «Что такой измученный вид?!» – (болела голова, бросало меня то в жар, то в холод). Вызвал медсестру, измерили температуру, а она была 39°. В беседе спросил, почему мы из сухопутного Курска решили выбрать этот институт, потом сказал – «вы зачислены, езжайте домой, к 1 сентября на учебу».

ИЮЛЬ 1939 ГОДА

На следующий день после беседы с директором института мы с Михаилом ехали в Курск в вагоне поезда «Николаев-Москва». Меня знобило, хотя в вагоне было жарко, я залез на верхнюю полку, но и там мне было холодно.

В Курск мы приехали на следующее утро. Дома обрадовались, что я поступил в институт. Я пожаловался на болезнь и пошел в больницу. Врач установил диагноз – малярия и выписал горькие таблетки – акрихин. Я регулярно, три раза в день глотал таблетки, но малярия не проходила.

У отца был хороший приятель-сослуживец Иван Иванович Дубровин, бывший актер. Узнав о моей болезни, спросил, чем я лечусь.

– Твои врачи ничего не понимают, назначив лечение, – сказал Иван Иванович. – Делай так. Когда начинается приступ?

– В 9 часов утра, через день.

– Встань в 5 утра, прими все

три таблетки сразу, выпей 100 грамм водки и ложись спать.

Я так и сделал, водку выпил первый раз в жизни и от нее сразу же уснул.

Проснулся часов в 12, чувствовал себя хорошо, и с тех пор малярия меня не трогала.

– Иван Иванович, – спросил я его при встрече, – чем объяснить мое выздоровление? Ведь я регулярно выполнял предписание врача, а мне не помогало?

Иван Иванович сказал, что действие акрихина происходит не сразу, а когда он попадает в кровь к моменту начала действия микробов малярии и вступает в борьбу.

Не знаю, так это или не так, но до сих пор меня эта болезнь не беспокоит. Вот так я вылечился от укуса анофелеса – комара-переносчика микробов малярии.

Незаметно прошло время, и наступил август.

25 АВГУСТА 1939 ГОДА

Папа дал мне 120 рублей, мама собрала белье, кое-какие продукты, и мы вместе с Михаилом Зарецким поехали поездом «Москва – Николаев».

Комендант общежития института посоветовал нам найти част-

ную квартиру. Мы отправились снова к знакомым старикам. Договорились, что за 50 рублей в месяц мы будем жить у них и столоваться. Нас это вполне устраивало. Дом находился в 15 минутах ходьбы от института.

1 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА

Во время беседы с директором на его вопрос: «На каком факультете желаете учиться?», – мы ответили: «На механическом, который готовит судовых механиков».

После небольшой беседы в актовом зале, где собралось около

ста абитуриентов, директор нас ознакомил с порядками в институте и мы разошлись по аудиториям.

Первое занятие было в кабинете технического рисования. В группе было двадцать человек. Занятия проводили два пожилых препода-

вателя. Тема: «Садовые решетки».

Ко мне подошел преподаватель, показал, как нужно держать карандаш и резинку. Немного погодя снова подошел, похвалил мой набросок.

Помимо общеобразовательных предметов были и такие, как теория вероятности, черчение. Заниматься было интересно.

17 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА

Нас, первокурсников, вновь собрали в актовом зале. Директор зачитал постановление Совета Народных Комиссаров, согласно которому выпускников 10-х классов 1920 и 1921 года рождения призывают на службу в ряды Красной Армии.

Директор сказал: «Идите в армию, а после окончания службы мы с радостью примем вас к себе».

Нам выдали документы. В справке указывалось, что мы име-

ем право без экзаменов поступить в любой ВУЗ страны, отслужив 3 года в Красной Армии. Директор добавил, что мы по выбору можем идти в армию из Николаева или ехать домой, призываться по месту жительства. Мы с Михаилом решили ехать домой и на следующий день сели в поезд «Николаев – Москва». 19 сентября были уже дома, а там нас уже ждали повестки из военкомата.

20 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА

Призывная комиссия работала в бывшем кинотеатре «Смена», по ул. Ленина. Сейчас там построен жилой дом возле Центрального университета. В фойе кинотеатра толпилось много ребят, многих я знал еще по Аэроклубу. Мы проходили комиссию у многих врачей, но особенно мне запомнилась проверка зрения.

На специальном стенде определялось боковое зрение. Такой проверки зрения раньше я не проходил. И еще, что нас насторожило: в составе комиссии был офицер в авиационной форме. Перед тем, как идти на медкомиссию, мы с отцом обсуждали, в какой род войск мне лучше пойти. На флоте служили в то время 5 лет, в авиации – 3 года, в пехоте – 2. Отец советовал пойти в войска связи – 2 года.

А теперь я думаю: что было бы, если бы я попал в пехоту, да еще в роту телефонной связи... Но

все решилось само собой, без моего согласия – в авиацию. Меня направили в ШМАС – Школу младших авиационных специалистов, стрелков-радистов, мотористов, оружейников и прибористов. Но об этом я узнал много позже, когда нас привезли в Воронеж.

Прошли мы комиссию, и как будто о нас забыли. Только в октябре пришла повестка: явиться с вещами на сборный пункт. Это было помещение Железнодорожного техникума, около которого была трамвайная остановка. Отец мой был в то время в командировке. Он догадывался, что мой отъезд не за горами, поэтому припас для меня банку сгущенки – это был тогда большой дефицит.

Провожали меня моя мама и сестра Мария. Прозвучала команда садиться в подошедший специальный трамвай, который повез нас на вокзал.

15 ОКТЯБРЯ 1939 ГОДА

Проснулись мы утром 15 октября, когда поезд остановился на воронежском вокзале. На вокзальной площади стоял грузовик ГАЗ, побросали мы в кузов свои котомки. Старшина скомандовал: «Стройся!», и мы толпой двинулись по улицам Воронежа, через весь город в военный городок «Чижовка».

Городок этот строила еще Екатерина II. Двухэтажные казармы со стенами в метр толщиной. В полдень завели нас в столовую. За длинным столом помещалось человек 20.

По команде «Садись!» мы сели. Принесли большую кастрюлю «шрапнели» – перловой каши. Поковырялись мы в мисках, есть не хотелось.

«Встать!» – скомандовал старшина. Из столовой нас повели в баню. Остригли «под нулевку». Помылись мы в холодной воде, вышли в другую дверь, а там на лавках навалены б.у. штаны, гимнастерки, бязевое белье, ремни, сапоги, портянки, шапки. Оделись в форму и не узнали друг друга.

Взлет 15 октября 1939 года

Старшина раздал нам тюфячные наволочки, повел на задний двор. А там – скирда соломы. «Набивай матрасы, – скомандовал он. – Да потуже набивайте!» С огромными мешками пошли в казарму по длинному коридору. Справа – классы, а напротив – ряды железных кроватей. Выдали нам по две простыни, одеяло, иголки и суровые нитки. Из этих набитых соломой мешков надо было сделать матрасы.

Вот такие в разрезе:

Подушки – тоже набили соломой.

«Отбой!» – в 22 часа команда. В 6 утра – «Подъем! Выходи на зарядку!» Зарядка без гимнастеров и осенью и зимой, бег вокруг казармы. Старшина учил заправлять кровать, наматывать на ноги портянки.

Дня через три разделили нас по взводам: 2 взвода радисты, 2 – оружейники, 1 – прибористы, 2 – мотористы.

У радистов в каждом взводе свой «батя» – техник-лейтенант, который обучал устройству радиопулеметов и морзянке. Занятия от завтрака до обеда. После обеда – 1 час «мертвый», всем спать. Сначала не спалось, а потом – привыкли. После сна еще 2 часа строевой подготовки, а потом 4 часа снова занятия по специальности.

Так продолжалось до 10 марта 1940 года.

8 МАРТА 1940 ГОДА

В этот день мы, радисты, закончили 6-месячные (вместо 1 года) курсы, нам присвоили звания младшего командира взвода, на петлицах гимнастерок – треугольники.

В этот день Сталин с Маннергеймом заключил перемирие. Война с Финляндией унесла жизни нескольких сот тысяч солдат и отодвинула внешнюю границу от Ленинграда.

АПРЕЛЬ 1940 ГОДА

Нас распределили по полкам. Я попал в 164 РАП – резервный авиаполк в качестве стрелка-радиста. Другие мои товарищи попали в строевые авиаполки. Скоро получили известие о том, что наш товарищ, Толя Голодников, погиб в авиакатастрофе в Кировобаде.

А у нас – полеты, полеты, полеты. То по «коробочке»: взлет-посадка, взлет-посадка. Так тренировались молодые летчики, окончившие училища. Полет по «коробочке» – 5–8 минут. Это «болтанка», запах горелой касторки – моторного масла, все внутренности выворачивает. Романтика полетов пропала.

Одно утешение – полет в зону, это 40–50 минут. Начальник связи требует вести записи в боржурнале о выходе на связь. Надо выпускать антенну и успеть убрать ее перед посадкой.

Если не уберешь вовремя – ЧП! Грузик ударится о землю, отскочит да по самолету... Увлечшись работой на радиопулемет, я чуть было не попал в такую ситуацию.

Стал думать, как избежать неприятности, и придумал! От антенной трубы до стабилизатора протянул антенный канатик.

Руководителем полетов был майор Сморода Исидор Иванович, наш командир эскадрильи. Когда мы сели и стали рулить около стартового пульта, Сморода увидел, что антенна «зацепилась» за стабилизатор. Он подбежал к моему самолету, стал бить кулаком по фюзеляжу и закричал: «Радист, такой, сякой! Антенну оборвал!».

Я вылез из нижнего люка и лопочу от страха: «Товарищ майор, я не оборвал, а сделал антенну необираемой». Сморода подошел к хвосту, увидел, что сделано хорошо, с изоляторами, и спрашивает: «А как связь? Покажи свой журнал». Подозвал начальника связи полка и говорит: «Вот, твой радист как хорошо придумал!»

На другой день все 48 самолетов нашего полка были оборудованы такой антенной. А мне в поощрение дали месячный отпуск. Вот так бывает. Но на этом история не закончилась: через четыре года Сморода, к тому времени уже полковник, при случайной встрече узнал меня и помог попасть на фронт прямо с гауптвахты, но об этом чуть позже.

АПРЕЛЬ 1940 ГОДА

На очередной день полетов адъютант полка зачитал плановую таблицу полетов. Меня в ней не оказалось. Я был в экипаже командира звена старшего лейтенанта Кириллова. Он мне нравился. Я говорю ему: «Командир, а почему я сегодня не лечу?»

Он ответил: «Спроси у адъютанта, он составлял таблицу».

Адъютант мне сказал: «Ты сегодня в наряде по приангарной, а полетать еще успеешь». Я дежурил в «приангарье» ночь, а днем был свободен. Пошел посмотреть, как вырывают самолеты. Вот вырулил ИЛ-4, № 13. Это наш самолет.

В передней кабине Кириллов, в задней – молодой курсант.

Они должны летать по «коробочке», взлет-посадка. На последнем развороте, уже при заходе на посадку отказали оба мотора. А впереди – двухэтажное здание авиационных мастерских. Перелететь через него они уже не смогли, малая высота, и самолет врезался в здание. Моторы попали в окна, а фюзеляж в простенок... Из кабины радиста выскочил Сорока – такая фамилия была у него. Упал он с высоты 5 метров, сломал обе ноги.

Все это произошло на моих глазах. Адъютант сказал потом мне: «А ты хотел, чтобы я тебя включил на полет?»

Что это? Случайность или судьба?

МАЙ 1940 ГОДА

1941 год. Май. Папа приехал в Воронеж навестить меня. Мы – это радисты 4 звена 161 РАП АДД 10

Наконец я – в обещанном мне месячном отпуске. В Курске из моих одноклассников никого не оказалось. Ребята – в армии, а девушки поступили в вузы. Незаметно прошел этот месяц. По возвращении в часть – снова полеты, полеты. Я уже привык к «болтанке».

Так в полетах и занятиях незаметно пролетел год с небольшим.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Вечером 21 июня в субботу нам, радистам, решили дать увольнительную в город.

Начистилу мы сапоги, пришли свежие подворотнички. Рано утром ждем у проходной. Дежурный по гарнизону сидит на телефоне. Время уже около 10 часов. Выходит дежурный и говорит нам: «Быстро бегите за командирами, потом дам вам увольнительные жетоны».

Дело в том, что многие офицеры жили около гарнизона на частных квартирах. У меня новый командир – лейтенант Бабайлов. Мы побежали за командиром, ведь время отпуска идет!

В небольшом доме вместе с молодой женой жил Бабайлов. Я стучу в окно: «Командир, срочно вызывают в часть!» Он говорит: «Успеется!» Был он еще в постели. Я побежал обратно. Смотрю, у ворот проходной толпа народа слушает какую-то передачу по радио.

Это транслировалось выступление В.М. Молотова. В глубоком молчании люди слушали, что в 4 часа утра на всем протяжении границы, от Прибалтики до Черного моря германские войска перешли в наступление. Немецкая авиация бомбила Киев, Одессу, Смоленск и другие города. Я побежал на аэродром. На самолеты устанавливали пулеметы, в патронные ящики укладывали пулеметные ленты.

22 июня 1941 года.
Вечером 21 июня в субботу нам решили дать увольнительную в город.
Начистил сапоги, пришли свежие подворотнички.
Рано утром ждем у проходной. Дежурный по гарнизону сидит на телефоне. Время уже около 10 часов. Выходит дежурный и говорит нам: «Быстро бегите за командирами, потом дам вам увольнительные жетоны».
Дело в том, что многие офицеры жили около гарнизона на частных квартирах.

23 ИЮНЯ 1941 ГОДА

На другой день поступил приказ: перелететь на запасные аэродромы в Верхнюю Хаву, Бобров, Россошь. Один за другим самолёты выруливали на взлётную полосу и улетали из Воронежа. В самолёты загружали инвентарь, чехлы, всё необходимое для работы в полевых условиях. Наш центральный аэродром в Воронеже был небольшой, вдобавок окружённый корпусами моторного завода, элеватором, мастерскими.

Наш самолёт стоял в ангаре, механики что-то ремонтировали. Мы, стрелки-радисты, стояли и смотрели, как улетают самолёты.

Вот вырулил на полосу очередной самолёт. Взревели моторы, но самолёт медленно набирает скорость, потом его повело в сторону. Лётчик развернулся, снова начал разбег. Опять самолёт развернуло. В третий раз, с большим трудом, самолёт оторвался, медленно набирая высоту. А впереди – высокое здание элеватора. Пытаясь его перелететь, лётчик круто поднял самолёт, но, не имея большой скорости, самолёт упал хвостом вниз и взорвался.

Это была первая трагедия, которую я увидел в самом начале войны.

Вот как это произошло...

А в самолёте, кроме экипажа, были техник, моторист и оружейник...

24 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Наш самолёт ДБ-3 отремонтирован, мы загрузились и полетели на полевой аэродром у станции Анна. На аэродром стали поступать с авиационного завода новые модели ДБ-3Ф, конструкции Ильюшина. В будущем им дали название ИЛ-4. Я сделаю небольшой экскурс в историю.

В 1935 году Ильюшин создал новый самолёт ДБ-3, дальний ночной бомбардировщик. На этом самолёте летали Валя Гризодубова, Марина Раскова и Полина Осипенко. Они поставили мировой рекорд дальности: Москва – Дальний Восток. Правда, для этого в бомболюке поставили

дополнительные баки для бензина. Полёт закончился не совсем благополучно – попали в туман, самолёт стал покрываться ледяной коркой, закончился бензин. Командир, Валя Гризодубова, дала команду прыгать с парашютом. Их потом долго искали в тайге. Так писали тогда в газетах.

Эти модернизированные самолёты отличались тем, что имели противопожарное устройство. В кабине радиста кроме кислородных баллонов стояли еще два окрашенные в красный цвет баллона с углекислым газом. Их назначение в том, чтобы вытеснять пары бензина в баках по мере расхода топлива.

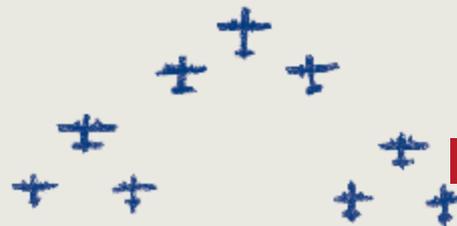
Сами бензобаки были гуммированы, то есть покрыты слоем сырой резины. При попадании пуль или осколков отверстия затягивались резиной, и бензин не вытекал.

Александр Готов.
Начало 1940-х

26 ИЮНЯ 1941 ГОДА

В этот день прилетели 9 самолётов, новеньких, прямо с завода. После опробования и осмотра мы должны были лететь на фронтовой аэродром.

27 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Взлетела «девятка», самолёты построились и полетели на запад. Приземлились на аэродроме в посёлке Кшень Курской области.

По «Наставлению о полётах» это был боевой порядок эскадрильи при бомбометании. При налёте истребителей стрелки-радисты должны прикрывать машины друг друга пулемётным огнём.

Самолёты стали поочерёдно заходить на посадку и заруливать в капониры. Капониры – это земляные валы в виде буквы «П». Капониры,

расположенных по периметру полевого аэродрома, было около тридцати. Предполагалось, что в этих укрытиях самолёты будут защищены от бомбёжки немецкой авиации.

Несколько капониров были пустыми. Недалеко от аэродрома в фруктовом саду были разбиты армейские палатки. Каждая палатка рассчитана на экипаж – 4 человека.

Командант повёл нас в палатку и сказал, что уже три дня, как она пуста – самолёт улетел и не вернулся.

1 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

Вечером командир полка собрал экипажи шести самолётов и объявил, что завтра будет боевой вылет. Нас, стрелков, отпустили, а со штурманами и лётчиками командир полка проводил предполётный инструктаж. После ужина в столовой Кшенского сахарного завода мы стали обсуждать завтрашний полёт. Особенно

старался и грозил фашистам один радист по фамилии Медведев, который был родом из Краснодарского края. Но проснувшись утром, 2 июля, мы обнаружили, что Медведева и след простыл, вместе с наганом.

Это был первый дезертир в нашем полку, 220-м авиаполку дальнего действия, АДД.

2 июля 1941 года

2 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

За ночь техники заправили самолёты, оружейники подвесили бомбы. В бомболюках 10 «соток» – стокилограммовых бомб.

В носу каждой бомбы ввернут взрыватель. Он представляет собой цилиндр, на резьбе которого установлена крыльчатка. При полёте от потока воздуха при падении бомбы крыльчатка отрывается и ударяется о землю: бомба взрывается. Но чтобы случайно взрыватель не сработал, его от самооткручивания удерживает рамка, которая тросиком крепится к раме бомболюка.

На наружной подвеске висел РАБ – ротационная авиабомба. Это как бы два корыта, а стабилизатор её направляет под углом к продольной оси.

В «корытах» уложено 100 мин весом по 300 грамм. «Корыта» связываются обручами из стальных лент. Перед полётом их до половины надрезают.

Вращаясь при падении, ленты от центробежной силы рвутся, и мины рассеиваются по большой площади. Что только не придумает человек!

Около 11 часов дня самолёты стали вырливать и звеньями уходить на запад.

Мой командир – лейтенант Курбатов, штурман – Ткачёв, стрелок – осетин Агоев.

Пролетели мы над Курском, потом над Днепром. Стали искать цель для бомбёжки. Ходим, ходим, цель не нашли и пошли обратно, так и не отбомбившись. Свой аэродром не нашли, пролетели на восток. Бензин кончается – надо садиться. По инструкции производства полётов садиться на поле можно только с убранными шасси. А под «брюхом» РАБ, а в бомболюках тонна бомб...

Сбросить бомбы Курбатов боялся на своей территории. Сели на пахоту на небольшом поле. Прямо перед нами – элеватор, на нём надпись: «Тербуна», а это в 40 км от нашего аэродрома в Кшени.

Как только мы остановились и вылезли из самолёта, то увидели, как к нам с вилами и косами бежит несколько десятков мужиков... Они окружили самолёт, но слишком близко не подходили, принимая нас за немецких лётчиков.

Когда Курбатов стал ругаться по-русски, они стали менее агрессивными и отрядили одного за местным начальством, но нас все-таки окружили...

Вскоре пришли секретарь райкома ВКП(б) и председатель райисполкома. Когда Курбатов показал свои документы, нас повели в районную столовую, накормили, напоили. С самолета же охрану не сняли.

Позвонили по телефону в Кшень, командир полка выслал бензозаправщик и грузовик.

Взлететь с этого поля, да еще с бомбами, было невозможно. Бомбы надо было снять. Принесли две длинные жерди, на которых надо было опускать на землю РАБ. Смешно было смотреть, дюжие мужики старались взяться за жерди как можно ближе к концу. Потом стали снимать бомбы из бомболюков. Штурман отворачивал взрыватели.

Наконец все бомбы сняли. Приехал бензозаправщик, погрузили на грузовик бомбы. Надо было улететь. Но для этого нужно было вырлиуть на другое поле, переехав через шоссе. Вдоль дороги были протянуты провода. Самолет своими винтами мог зацепиться за них. Тогда решили провод поднять выше.

Для этого штурман через астролук поднялся и палкой поднял провод.

Курбатов дал моторам «газ», провод с палки соскочил, и металлической лопастью винта провод был перерублен, конец его ударил по кабине летчика, осколками плексигласа Курбатову поранило лицо...

Но мы все-таки перебрались на другую сторону дороги и взлетели. Не знаю, как объяснялся штурман и летчик об этом происшествии с командованием, но их временно от полетов отстранили.

Вот так закончился для нас наш первый боевой вылет. Самолет наш стали ремонтировать, заменили поврежденный винт, а меня перевели в другой экипаж.

5 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

Каждый день улетали на задания наши бомбардировщики, но не все возвращались на свой аэродром... А немцы подходили к Киеву и Днепру все ближе и ближе.

Теперь мы знаем, что Жуков предлагал Сталину отступить, сдать немцам Киев и тем самым сохранить наши войска. И это в сложившейся обстановке, вероятно, было бы правильным решением. Но Сталин упорствовал, велел любой ценой удерживать Киев. Для авиации был один приказ: летать и летать, бомбить немецкие войска, двигавшиеся по дорогам механизирован-

ными колоннами. И чего тогда стоил для нас этот приказ, ведь наши самолеты предназначались для дальних полетов в тыл противника, а их использовали как фронтовые, днем, на низких высотах, практически без прикрытия истребителей, машины были слабо вооружены.

В этот день 5 июля нашему звену из трех самолетов приказали снова лететь на задание. Снова под нами проплыл Курск и Днепр. Нашли и цель – колонна танков на шоссе.

Теперь я опишу, как летчик и штурман должны проводить бомбометание. Для этого надо выйти на «боевой курс» – это значит, что штурман, учитывая ветер, скорость, высоту, уста-

навливает эти параметры на своем оптическом прицеле бомбометания. И пока бомбы не будут сброшены, летчик не имеет права маневрировать, уходя от разрывов зенитных снарядов, а их вокруг самолета полно, все небо усыпано дымными шапками. Наконец бомболуки открыты, по самолету прошла волна ворвавшегося воздуха, самолет вздрогнул, бомбы сериями ушли на цель.

С высоты 800 метров видна серия взрывов. Вот так мы «работали». Вокруг нас – впереди, сзади, выше, ниже – разрывы снарядов. Я должен докладывать командиру, с

какой стороны – выше, ниже – разрывы, а летчик маневрирует и по высоте, и по направлению. Осколками пробило стабилизатор, рули высоты. Потекло масло по краевой плоскости – видимо, пробит маслобак. Когда мы уже перелетели Днепр, мотор стал работать с перебоями, надо садиться. Хорошо, что под нами оказался город Копотоп. Там есть аэродром истребительного полка. Делаем круг над аэродромом.

Вижу, как взлетел наш истребитель И-16, «ишак», заходит к нам в хвост. Я доложил летчику об этом. «Дай-ка по нему очередь, но только рядом с ним!» – говорит летчик. У меня в турели пулемет ШКАС – Шпитальный, Комарицкий, авиационный, скорострельный – 1500 выстрелов в минуту. Патрон – винтовочный 7,62 мм. В ленте поочередно: простой патрон, зажигательный, бронебойный и трассирующий. Я раз-

вернул турель, дал длинную очередь – трасса прошла под «ишаком», летчик сразу среагировал – покачал крыльями и отвалил в сторону, показав красные звезды на плоскостях.

Не знаю, почему летчик «ишака» решил зайти к нам в хвост, может быть, хотел потренироваться, а может быть, и на самом деле подумал, что мы – немцы. Кстати, хочу сказать, секретность была такова,

что даже летчики не знали силуэтов наших самолетов.

Мы благополучно сели. Техники истребительного полка отремонтировали маслобаки, и на другой день мы вылетели на свой аэродром. Из нашего звена не вернулся второй ведомый. Что стало с ним – неизвестно, но на аэродроме пустующих капониров стало больше.

22 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

Накануне прилетели еще 9 самолетов последней модификации. Мы с интересом знакомимся с ними. Я их описывал ранее. В хвосте фюзеляжа были установлены устаревшие авиационные пулеметы ДА – Дегтярева авиационные, но добраться до них стрелку было невозможно из-за тяг, тросов управления, поэтому за спусковой крючок была привязана веревка. Потянет ее стрелок, трассирующие пули отпугнут зашедшего в хвост, в мертвую зону обстрела, немца. Как по русской поговорке: «Голь на выдумки хитра!»

Но я отвлекся от главного. Командование полка запланировало в этот день послать девятку на бомбометания. Наш экипаж в нее не планировался. Самолеты стали по очереди вырывать и взлетать, кружили над аэродромом в ожидании, когда все соберутся. Но у двух самолетов обнаружили перебои в работе моторов. Тогда стали срочно готовить два запасных самолета. А радиста одного самолета не нашли, куда-то ушел. Начальник связи полка увидел меня (а ему от комполка влетело), говорит: «Глотов, срочно готовься лететь!», дал мне позывные. Я надел парашют, проверил рацию, моторы уже работали. Сначала взлетел наш ведущий – капитан Иванов, за ним – мы. Командиром был лейтенант Саша Смирнов, штурман – Анатолий Булавка – «испанец». Испанцами называли добровольцев, воевавших в республике Испания. У него был орден Красной Звезды. Стрелок – Миша Богомолов. Семь самолетов не стали нас дожидаться – улетели. Прошло минут 30, пока мы взлетели. Пришлось лететь нам вдвоем.

Как и в предыдущие полеты, снова Курск, Днепр. Вот и цель: шоссе Белая Церковь–

Киев. Высота – 900 метров. Зашли в облака. Иванов решил зайти на цель с запада. Вышли из облаков, вот и шоссе, на котором сплошной лентой двигаются танки. Со всех сторон видны разрывы зениток.

Я увидел, как идущий впереди нас ведущий взорвался в воздухе. Среди падающих обломков самолета открылся купол парашюта и вспыхнул. Кто это был – осталось неизвестно. К земле падала еще одна фигура – около земли открылся купол. Как я потом узнал – это был Иванов. Затяжным прыжком он спас себе жизнь, но попал в плен, бежал. Потом снова летал. Я встретился с ним в 1942 году. Но об этом позже.

Два других летчика погибли вместе с самолетом.

Огонь немецких зениток сосредоточился на нашем самолете. Осколки пробили левую полость, загорелся и умолк мотор. Черный дым потянулся за самолетом. Баки не взорвались, так как перед заходом на цель я открыл вентили CO₂. По СПУ – самолетному переговорному устройству – я говорю: «Командир, горит левый мотор!»

– Вижу, вижу, будем лететь на правом моторе. Штурман, посмотри, сколько лететь до Днепра? – Мне сказал – «выводи из строя пулеметы». Я условным сигналом постучал ногой по спине лежащего Мишки, чтобы он через нижний люк выпустил вниз, под фюзеляж свой пулемет. Сам развернул в сторону шасси турель, нажал на гашетку пулемета и стрелял до тех пор, пока от перегрева пулемет не заклинило.

Анатолий сказал командиру, что до Днепра около 200 км. Мы летели на одном моторе со снижением, от перегрузки заглох и остановился правый мотор. Я посмотрел, на высотомере было 300 метров, стрелка прибора приближалась к нулю. «Прыгать запрещаю, парашют не раскроется!» – приказал командир. Левобережная часть Украины, над которой мы летели, вся в оврагах, перелесках, небольших полях.

Я встал у турели и смотрел на быстро приближающуюся землю, готовясь к моменту приземления пригнуться. Впереди был глубокий овраг, за ним небольшое поле, за которым был лес. Траектория полета была такова, что мы должны были сесть на лес. И в этой ситуации Саша Смирнов нашел выход. Он перевел самолет в крутое планирование, скорость увеличилась, самолет стал слушаться рулей. Нос самолета нацелился прямо на склон оврага. Штурман закричал: «Сашка, ты меня угробить хочешь?!»

– Спокойно, Толя, все будет в порядке, – слышал я голос командира в наушниках шлемофона. Прополз наш самолет на брюхе несколько десятков метров и остановился. Бензин продолжал гореть.

Богомоллов лежал на полу кабины без движений. Я открыл аварийный замок колпака турели. Услышал, как в стороне летчик и штурман кричали: «Радисты, скорее вылезайте, баки взорвутся». Подняв стрелка, я помог ему перевалиться через борт фюзеляжа. Сбросив парашюты, мы побежали в сторону небольшого хутора, утопнувшего в зелени. Откуда-то прилетел немецкий истребитель ME-109. Он летал над нами так низко, что через открытую форточку фонаря хорошо была видна смеющаяся рожа немца.

Делая над нами несколько заходов, он не стрелял. Ему хорошо было видно, как к нашему горевшему самолету мчались мотоциклисты. Но они не могли быстро приехать, так как нужно было объезжать овраги.

К нам навстречу бежало несколько деревенских мальчишек, а около криницы (колодца), к которому мы подбежали, хромал на костылях дед. «Хлопцы, хлопцы, скорее ховайтесь, бо на самокатах немцы едут», – говорит он.

Пить очень хотелось, мы из ведра попили воду и побежали прятаться. Мои товарищи забежали в огороды, а я побежал к густому кустарнику. Оказалось, что это было болото. Вскорости послышался треск мотоциклетных моторов. Искать другое убежище было уже поздно. Сбросив сапоги, комбинезон, я пошел вглубь кустарника. Вряд ли немцы полезут искать меня в болоте, подумал я. А сам решил использовать прием запорожских казаков: срезал камышину и за кочкой окунул в воду с головой, дыша через трубку. Трудность заключалась в том, как удержаться как можно дольше под водой.

Когда вскоре шум мотоциклов затих, выждав время, я вышел из укрытия.

К болоту вплотную подошли огороды. Перелез через плетень и стал обрывать спелые ягоды черешни и складывать их в шлемофон. Каким-то шестым чувством я ощутил тревогу. Оглянувшись, увидел девушку, смотревшую на меня из соседнего огорода. Она сказала, что немецкие мотоциклы уехали искать нас в ржаное поле, туда показали им мальчишки. Снова затрещали приближающиеся мотоциклы. Я лег в борозду между картофельной ботвы и наткнулся на командирские часы. Вдруг услышал шепот командира: – Ты меня демаскируешь!» – Командир, вот твои часы, поешь черешни, не ругайся!

Было тихо. Мы сели. Саша говорит: «Ищи ребят». Но искать мне их не пришлось, они прятались рядом, и вскоре мы собрались вместе. Стали думать, как быть дальше. Мы сидели в зарослях кукурузы, когда услышали тихие голоса: «Хлопцы, хлопцы, не стреляйте, мы – сельчане!».

Подошли, крадучись, пять или шесть человек. Штурман спросил, как называется их село – хутор Однорог от сельской рады Савира. По полетной карте Анатолий определил, что до Днепра было около двухсот километров. Пройти это расстояние в летной форме было невозможно, и командир решил, что нам нужно переодеться в «цивильную» одежду. Мужики обрадовались, ушли и вскоре принесли поношенную одежду, башмаки. Мне достались коротенькие детские штаны и не по моей ноге башмаки. Я отрезал от х/б комбинезона куртку, срезал карманы и хлястики с брюк, одел рваную шерстяную кофту. Пока мы одевались, мужиков и след простыл. Мои хромовые сапоги, которые я незадолго до войны справил, гимнастерка и брюки пошли в обмен на это тряпье.

Мать и дочь Ошейко

9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА 24 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

Начало смеркаться. Послышались осторожные шаги, и к нам подошел мужчина лет пятидесяти.

– Я – председатель колхоза, Ошейко Иван Григорьевич, когда станет темно, я проведу вас к себе.

Он принес с собой крынку молока, сало и хлеб. Около полуночи он провел нас задами огородов к себе.

Под огромной грушей на земле были постелены рядно, старое одеяло. Иван сказал, что утром он покажет нам дорогу на село Потеевка. Мы лежали молча – в ночи был слышен где-то на востоке оружейный гул. Мне вспомнились слова поэта: «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут».

Все было так, кроме оружейной канонады, незаметно я уснул. Проснулся от того, что меня кто-то тронул за плечо. «Иван, ходимо до хаты, поспешайте», – шепнули мне. В хате горела керосиновая лампа, окна завешаны темной шалью. На столе миска с творогом, сало, хлеб, огурцы. Все это пригостила жена Ивана Ганна и дочь Мария.

В углу хаты стояло несколько бутылок с фитилями. Заметив, что я смотрю на эти бутылки, Иван сказал, что подобрал их в окопах. Так я увидел, чем наши солдаты боролись с танками. Ганна спросила меня, где живут мои родители. Я сказал и отдал ей эбонитовый патрончик, где на пергаментной бумажке-ленточке был записан простым карандашом адрес родных.

4 ЧАСА УТРА 25 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

На востоке алело небо. Иван вывел нас на проселочную дорогу, и мы простились с Ошейко. Вначале мы шли вчетвером, но потом командир решил идти парами, чтобы не вызвать подозрения при встрече с полевой жандармерией. Договорились идти на расстоянии, не теряя друг друга из вида. Мы с Михаилом шли впереди.

Нам попадались небольшие группы солдат без оружия, которые шли в гражданской одежде. От них мы узнали, что на днях был разбит 75 железнодорожный батальон. Мы подождали, когда подойдут офицеры, и договорились, что если нас задержат, выдавать себя за железнодорожников. Когда подходили к большому селу, стал накрапывать дождь. Около одной хаты на большом участке две девушки и парень собирали в копны скошенную рожь.

Я говорю Михаилу: «Давай поможем собирать снопы, может они пустят переждать дождь». Когда работа была закончена, к нам подошел парень и сказал: «Заходите в сарай и не выходите. Переночуете, а рано утром уходите. В нашем селе вчера были немцы».

Вечером в сарай вошла девушка, принесла нам ужин: картошку, масло и хлеб. Поев, мы сразу уснули. Рано утром, пока наши хозяева еще спали, мы ушли из этого села. Михаил жаловался на свои башмаки, которыми натер ноги. Мне же босиком по дорожной пыли было идти легко.

На нашем пути на восток встретилось село. Обошли его стороной. Мой стрелок стал хныкать – мол, куда мы идем, мы заблудимся, как ты находишь дорогу? Он был родом из Белоруссии, и я стал догадываться, куда он клонит. Как старший по званию и по положению я чувствовал свою

ответственность за него. Стал объяснять, как ориентироваться по солнцу, по Полярной звезде. Говорил, что как дойдем до Днепра, там найдем способ переправиться. Из сводок по радио еще до нашего вылета мы знали, что готовится оборона наших войск на левом берегу Днепра. Сами же знали на собственном небольшом опыте, как стремительно двигаются на восток механизированные колонны немцев.

Третью ночь мы ночевали в стогу соломы. Да, я забыл сказать, что после ночевки в сарае потеряли из виду наших офицеров. Договорились встретиться за околицей, но мы их не дождались. Видно, из села они ушли другой дорогой. Очень хотелось есть, наши небольшие припасы, которые дала нам девушка, закончились. Когда на нашем пути встретилось следующее село, решили зайти в него.

Было уже за полдень, когда послышался гул самолетных моторов. Над нами пролетела эскадрилья из таких же самолетов, как наш. Они шли на запад «девяткой», их преследовали три мессершмидта, ME-109. Они пикировали на наши самолеты сверху, раздались выстрелы пушек, ведущий самолет загорелся, и все самолеты «рассыпались». На землю падали горящие самолеты, раскрывшиеся купола парашютов. В течение нескольких минут все было кончено. Это страшное зрелище заставляло нас пережить собственную судьбу еще раз.

Мы увидели, как недалеко от нас опускался парашют. Я побежал к тому месту, где он мог упасть. Встретил нескольких девушек, расспросил их, они ответили, что ничего не знают. В одном саду я заметил на дереве купол. Забежав туда, увидел, что на земле лежит мой товарищ, радист из моей эскадрильи. Девушка перевязывает ему голову шелковым куском па-

рашюта. У него была рана на правой стороне лица, на правой руке и правой ноге, он был в сознании. Я спросил его, что случилось, может ли он идти, хотя такой вопрос ему задавать не следовало, и так было ясно. При падении, когда он покидал самолет, купол парашюта раскрылся рано, и его ударило стабилизатором самолета. Мы ничем не могли ему помочь. Я посоветовал ему переодеться и отлежаться, мы простились. Больше я его не встречал.

26 ИЮЛЯ 1941 ГОДА. ПОЛДЕНЬ

На нашем пути на восток стоял большой сосновый лес, к нему привела проселочная дорога. Михаил вновь засомневался, как найдем мы свой путь. Я влез на высокую сосну. Лесу конца не было видно, только вдали виднелся дом.

Слез и говорю: «Там, наверное, живет лесник, пойдем, может быть, заночуем». Шли долго по лесной дороге, слышали детские голоса. Это были деревенские ребята, собиравшие грибы, маслят было великое множество. У одного парнишки лет 15 я спросил, далеко ли до деревни, есть ли в ней немцы.

– Немцев много, второй день, как они пришли. Да вы не бойтесь, идите смело вместе с нами.

Мы дошли до опушки леса. Хорошо было видно, как по улице ходят немецкие солдаты. Был жаркий день. Они сняли с себя лягушачьего цвета мундиры, расхаживают в цветном трико. На улице и во дворах стояли танки, машины, пушки. Я подумал, вот возможность посмотреть изнутри на нашего противника. Любопытство взяло верх. Но Мишка идти в село наотрез отказался. Мой новый знакомый отдал мне свою корзину с грибами. Я сказал стрелку, чтобы он меня ожидал в кустарнике, и пошел в деревню с ребятами.

Мы шли по улице, кругом стояли танки, украшенные рисунками драконов, свастиками. Большие машины, покрытые брезентом, стояли во дворах, на меня никто из немцев не обращал внимания. Мальчик забрал свою корзину. Не знаю почему я решил зайти во двор, какое-то любопытство завело меня.

Под большим деревом стоял громадный грузовик. «MAN» – прочитал я эмблему на радиаторе, заглянул в кабину. Какие-то круглые банки висели на крючках, граната с длиной деревянной рукояткой, в кобуре – большой пистолет.

Я зашел сзади машины, заглянул в кузов. На продольной скамейке сидел немец и читал газету. В глубине кузова рыжий копался в каком-то мешке. «Белокурая бестия» – так называл Гитлер своих солдат. Это, наверное, «фриц», подумал я. Другой с интеллигентным лицом, в очках с золотой оправой – это «Ганс», так я про себя окрестил их.

Читавший газету посмотрел на меня. И опять тянуло, вернее, потянуло меня за язык. «Вас ист цайтунг», – проговорил я. «Я, я, цайтунг! Шпрехен зи дойч?» – улыбнулся он. «Шлехт шпрехе, шлехт», – ответил я. «Ком, ком, зития за зих», – «Ганс» поманил меня пальцем и указал рукой на скамейку.

Я влез в машину, сел рядом с «Гансом». Он посмотрел на мои босые ноги и отодвинулся, протянув газету. Название газеты, набранное готическим шрифтом, я не разобрал, но издана она была в Лейпциге, отпечатана дней десять назад.

На первой странице были помещены большие фотографии четырех наших пленных солдат. Жалко и грустно было смотреть на их изможденные, заросшие щетиной, напуганные лица, видимо специально подобранные немецким фотографом. Под этими фотографиями были помещены четыре снимка немецких солдат. «Ганс», показывая пальцем на снимки, приговаривал «Рус солдат – дойч солдат!» Я понял его на смеху, обидно было смотреть эти снимки. «На эту пропаганду не поддамся», – подумал я.

Указывая на немецких солдат пальцем, я приговаривал: «Люфт солдат, маринер солдат, панцир солдат», – узнавал их по мундирам. Четвертого, пехотинца, я не знал, как назвать, поэтому жестом показал, как с ружьем наперевес он идет в атаку.

«Ганс» рассмеялся, видно понял мою уловку. Стал, смеясь, что-то говорить «Фрицу». Я продолжал изучать газету. Он соскочил на землю, куда-то ушел, а когда вернулся, со словами «Смакуй, смакуй» протянул мне два куриных яйца. Покрутив их на полу, я показал, что они сырые, и отрицательно покачал головой.

«Ганс» забрал яйца, ушел и вскоре пришел с котелком, в котором что-то дымилось. Зачерпнув раза три ложкой, «Ганс» похлопал себе по животу и протянул котелок и ложку мне: «Смакуй!». Мне было интересно узнать, чем кормят немцев. Я зачерпнул густой суп раза четыре, проглотил. Суп был горячий и вкусный, сварен из чечевицы. Но из-за какого-то глупого принципа похлопал себя по животу, как и он. «Ганс» забрал у меня коте-

лок, вылил в траву, позвал меня к себе. Я вылез из машины, жду, что будет дальше. Немец куда-то ушел, а придя, протянул мне малую саперную лопатку и ведро.

«Ком картофель», – повторил он несколько раз. Всю эту сцену наблюдала пожилая женщина, сидевшая возле хаты. Я подошел к ней и говорю: «Немец хочет, чтобы я накопал картошки». Она вначале стала меня ругать, что связался с «немчурой», но потом, узнав, что я иду домой, сказала: «Молодая картошка еще не выросла, а есть старая».

С пустым ведром иду к «Гансу», говорю, что есть только старая картошка. Он меня не понимает и все твердит: «Ком, ком, картошка!» Недалеко от нас сидел «Фриц» и за обе щеки уплетал свой суп. До сих пор он молчал, но, услышав, что я говорю, произнес длинную фразу, из которой я понял, что картошка «альтер».

«Гут, гут, – обрадовался «Ганс». – Ком альтер картошка!» Я иду к старушке, говорю, что немец и старую картошку съест. Из погреба она достала полведра картошки, я протянул его «Гансу». Он достал из колодца воду, хорошо помыл картошку. Вырыл во дворе ямку, налил бензин в консервную банку, набросал щепок и на котле пристроил ведро. На корточках мы сидели у огня, вода стала закипать. Незаметно подошел немец невысокого роста, одетый в черную форму со свастикой на рукаве.

«Хайль Гитлер», – протянув вверх правую руку, сказал, вернее, гаркнул он. Не поднимаясь с корточек «Ганс» ответил: – «Хайль, хайль». Такое невнимание к Гитлеру оскорбило «черного человека», у которого под носом чернели усики «а-ля Гитлер». «Ауфштейн!» – крикнул он. «Ганс» подскочил и стал по стойке смирно. Эсэсовец, а это был, наверное, он, стал что-то резко говорить. Смысла этих слов я не понимал, но

чувствовал, что разговор идет обо мне. У меня сработала мысль, что мне не надо вызывать у него подозрений, и я, внутренне напрягшись, продолжал сидеть на корточках, будто меня разговор не касался.

Я увидел, как «Фриц», стоявший неподалеку, зашел за спину эсэсовца и пальцем показал мне, что нужно уходить. Медленно поднявшись, я пошел в хату понаблюдать в окно, что будет происходить дальше. Женщина все это видела. Говорит мне: «Хлопчик, подожди, я дам тебе покушать». Когда эсэсовец ушел, я вышел из хаты, прошел мимо этих двух солдат, которые молча проводили меня взглядом. Я думаю, они поняли, не деревенский парень зашел с ними «поговорить». Жаль только, что оставил «Ганса» без его обеда и не узнал, как думал «Ганс» кормить меня картошкой.

Эта история, произошедшая со мной, многим кажется невероятной. Но это было именно так, а объяснить поведение «Фрица» и «Ганса», я думаю, можно следующим фактором. Не все немцы разделяли «идеи» Фюрера. Все это произошло только в начале войны, только месяц, как она началась, а они прошли путь, как на прогулке, половину Украины. Будь это в 1943 году, все было бы иначе.

Я понял, что довольно экспериментов, надо уходить, и пошел из села. На условном месте Михаила не было. Я долго ходил по лесу, искал его, потом решил, что он пошел в село искать меня, ведь в деревне я был более двух часов. Вернувшись в село, прошел из конца в конец, но его нигде не было. Выходя из села, увидел, как три мотоцикла «Цундап» остановились возле одной хаты.

Два немца, соскочив с мотоцикла, стали бегать за бродившими курами. Но поймать курицу никак не удавалось. Тогда немец стал применять другую «тактику»: встав за

углом хаты, стал дожидаться, когда другой немец подгонит бедную курицу, бегавшую вокруг хаты. Как только она показалась из-за угла, бросался на нее. Но, увы, в руках у него остались только перья от хвоста. Все немцы, ждавшие на мотоциклах, дружно захохотали, смеялся и я. Сконфуженный немец, увидев меня, сказал: «Рус, ком, ком!».

Я подошел, он жестом показал, как откручивает голову курице, помахав руками, как крыльями, и добавил приговаривал: «Ко-ко-ко!».

Что мне оставалось делать? Я молча помахал отрицательно головой, мол, я не понимаю. Тогда фриц повторил свои жесты и добавил хлопнул по висевшему у него слева на поясе пистолету. Я продолжаю махать головой. Тогда он достал сигареты и снова пантомима. Я мотаю головой. Наконец он не выдержал, вымолвил: «Рус – дурак!». Все куры попрятались. Немцы сели на мотоциклы и уехали.

На завалинке возле дома сидел старик, наблюдавший за происходящим. «Хлопец, подойди, что хотел немец?» – спросил он, когда я подошел. «Да хотел, чтобы я вашу курицу поймал», – ответил я. «Идем в хату», – позвал меня дед. Когда мы вошли, он сказал своей старушке: «Доставай из печи противень, пусть хлопец покушает, не отдавать же курицу немцам».

Как вкусно были запечены в печи куры! Пока я ел, старушка спрашивала меня, не встречался ли я с ее сыном Федором. «Что ты, старая, спрашиваешь, ведь сколько миллионов солдат воюют», – оборвал ее дед.

Я поблагодарил их, на дорожку старушка завернула мне в тряпицу курицу.

На прежнем месте Михаила не оказалось. Я снова стал звать его. Из кустов вылез мой стрелок. Стал оправдываться, что заснул. Я же думал о том, что он выжидал, уйдя за

я один. Все-таки совесть у него не пропала совсем. Но после того, как я рассказал ему о своих похождениях, он сказал: «Я с тобой дальше не пойду, вернись домой». Силой заставлять его идти на восток я не мог, и мы простились по-хорошему.

26 ИЮЛЯ 1941 ГОДА. ВЕЧЕР

Разошлись мы с Михаилом: я – на восток, он – на запад.

Я даже с некоторым облегчением подумал, что одному мне будет проще. За эти три дня, что мы были вдвоем, я понял, что его намерение – вернуться домой.

Идти через село я не решился, решил обойти его по лесу.

В сосновом лесу везде все напоминало о том, что в нем было много наших солдат: валялись ящики из-под снарядов, «цинки», коробки от ружейных патронов, консервные банки, обрывки газет.

Выйдя из леса, увидел, как по лугу девочка гонит на хутор коро-

ву. Я окликнул ее, спросил, есть ли на хуторе немцы.

– Ой, дядя, не ходите, там много немцев!

Я присмотрелся, действительно, между домов было видно очень много мундиров мышиного цвета. Девочка дала мне в руки хворостину, которой она погоняла корову, и мы с ней погнали корову снова в лес.

Вот так в этот день мне пришлось встретиться с разными людьми.

Начало смеркаться. На моем пути обозначился стог. Я решил переночевать, зарывшись в душистое, свежескошенное сено.

27 ИЮЛЯ 1941 ГОДА. УТРО

Проснулся я, когда солнце уже поднялось высоко.

На лесной дороге я наткнулся на проселок, который привел меня в большой яблоневоый сад. Все деревья были усыпаны сочными плодами. Нигде никого не было видно. В глубине сада стояла сторожка, штабелями были сложены ящики для яблок. Из колодца я набрал воды, напился, умылся, доел свою курицу. Из сада вышел на просторное поле. На небольшом холме стояла ветряная мельница. Она была в стороне от моего маршрута, но я решил ее осмотреть.

Я никогда не видел ветряных мельниц! Удивился, как добротно она была сделана. Деревянный сруб

опирался на врытый в землю дубовый столб диаметром более полуметра. Для поворота мельницы против ветра на длинном вороте укреплено колесо. По моим расчетам, два-три дюжих мужика смогли бы повернуть против ветра эту мельницу. На валу

ветряка укреплен деревянная звездочка, которая приводила во вращение вертикальный вал с большой шестерней, тоже деревянной. Внизу вала вращался жернов диаметром больше метра. В засыпном бункере еще было зерно, видно мельница совсем недавно еще работала.

На верх мельницы вела лестница. Поднявшись на верхнюю площадку, я увидел вдали село, дорога моя проходила через него.

Я более часа провел на этой мельнице, удивляясь мастерству деревенских плотников. Но надо было идти дальше. Дорога привела меня к небольшому кустарнику. В его тени стояла зенитная спаренная установка «эрликон», рядом на разостланном брезенте сидели три немца. Я понял, что это было сторожевое охранение. Значит в селе немцы на отдыхе.

Немцы равнодушно глянули в мою сторону. Я обошел эту установку стороной, потом подошел к немцам – идти-то мне надо было все равно мимо них.

Один из них чистил пистолет, двое других что-то читали. Собрав свой пистолет, немец бросил бутылку. Потом выстрелил, разбил

ее, а мне похвалился, что он меткий стрелок: «Гут, гут».

Я немного походил около этой зенитной установки, солдаты перестали меня разглядывать, и пошел дальше своей дорогой. Видимо, они и впрямь приняли меня за деревенского мальчишку, босого, в рваной кофте, в странных штанах.

В этот день я прошагал километров двадцать, пока не набрел на маленькую деревушку. Она стояла в стороне от больших дорог, и немцев в ней не было.

Я зашел в один двор. В огороде работали две пожилые женщины, я попросился у них переночевать. Мужчин никого не было. Рассказал, что попал в окружение, а теперь иду домой.

Они покормили меня, показали, как по лесенке забраться на чердак дома. На ворохе каких-то тряпок я уснул. Спал я крепко, пока меня не разбудил луч солнца, осветившего чердак через отверстие в соломенной кровле. На стропилах висели связки лука, чеснока, каких-то трав.

Женщины покормили меня молоком с хлебом, когда я простился и стал уходить – перекрестили.

28 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

Мои босые ноги уже совсем привыкли к ходьбе. Погода была прекрасная, местность красивая, только впереди, куда я шел, громыхала война.

К полудню подошел к большой деревне. Крайний дом стоял над обрывом, по которому шла мощеная булыжником дорога. Во дворе мальчик лет 12 возился с велосипедом. На мой вопрос, где его мама, ответил, что она в колхозе на работе, скоро должна прийти.

Я хочу отметить, что при разговорах с местными жителями узнал, немцы не спешили разгонять

колхозы. В тот год был хороший урожай хлебов, поэтому немцы, ставя своих чиновников и привлекая местных управляющих, наводили свои порядки. Так было в 1941 году, когда они оккупировали почти всю Украину и Белоруссию.

Надо сказать, что в поисках управляющих затруднений они не испытывали...

У велосипеда была мелкая неисправность, я быстро его починил. Этим я расположил к себе мальчонку. Он полез на дерево и набрал в лукошко сладких слив. Вдруг слы-

шался гул моторов. Мы сели с мальчиком на краю обрыва, свесив ноги, ели сливы и смотрели, как по дороге шли бесконечной цепью мощные машины с прицепами. Это были понтонны. Значит Днепр близко, подумал я. Немцы готовят переправу.

На крыше кабины одной машины был установлен пулемет. Стоявший за ним немец долго провожал нас взглядом. На скамейках сидели солдаты понтонной команды. Прошло более двадцати таких машин. Позади в открытой легковой машине сидело два каких-то начальника. На солдатах были каски, а у офицеров на голове – фуражки с высокой тульей.

Вскоре пришла с работы мать мальчика. «Мама, мама, мне дядя велосипед починил, пусть он у нас остается», – просил за меня мой новый знакомый.

Незадолго до начала войны я начал бриться. За эти дни скитаний на щеках появился пушок.

В моем бумажнике были две тридцатирублевки, одно лезвие, иголка и круглое зеркало в целлюлозной оправе. Иголкой на зеркале я выцарапывал названия деревень, по которым проходил. Решил побрить свой пушок. В расщеп палочки я вставил лезвие, получилось подобие бритвы. Попросил у Любы (так ее звали) мыло, намалил щеки

и кое-как побрился. Надо было продолжать играть роль деревенского мальчишки.

Мы поужинали. Люба говорит мне: «Оставайся, будешь жить у меня, но надо пойти в управу, там зарегистрироваться. Мы в поле убираем хлеб, управляющий обещал нам хорошо заплатить. Оставайся, зачем тебе куда-то идти?»

Что я мог ответить этой молодой женщине?

– Хорошо, а где эта управа?
– В доме бывшей сельской рады, там еще вывеска висит и шест для флага.

Спать Люба отвела меня на сеновал. Постелила домотканое рядно. Как-никак, а за день ходьбы и всего увиденного я устал, поэтому быстро уснул. Утром Люба окликнула меня. Проснувшись, ощутил под собой что-то твердое. Оказалось, что это был очень большой складной нож. Осмотрелся, заметил, что сено было во многих местах примято.

«Это значит, не один я ночевал на этом сеновале» – подумал я. Мы хорошо позавтракали.

– Ну как, пойдешь в управу?
– спросила Люба.

– Да, пойду – ответил я.
– Иди вдоль улицы, увидишь дом рады.

Знаешь, Дядя Бенько, поехали. Немцы готовят переправу.

Я спустился по тропинке с обрыва. Прямо передо мной была тропинка, идущая к лесу, а направо – дорога, ведущая к управе. Я выбрал тропинку, когда отошел, оглянувшись, увидел, как Люба помахала мне рукой...

За лесом был овраг с очень пологими краями. На правом краю стояли копны или стога скошенного хлеба. По дну оврага в кустарниках сверкала вода, небольшой ручеек. Левый склон был покрыт рядами каких-то деревьев. Мне нужно было идти в сторону копен.

Вдруг я увидел, как копны раскрылись, а под ними стали видны орудия. Они открыли огонь как раз туда, куда мне надо было идти. Я подумал, что наконец-то я дошел до линии фронта, как мне казалось.

Идти через артиллерийские позиции мне не хотелось, поэтому свернул влево и пошел к кустарнику. Речушка была небольшая, метров 5 шириной. Я решил перейти ее вброд. Только шагнул и с головой ушел под воду. Выбрался на другой берег, снял с себя одежду, повесил сушиться на куст. И тут на меня напали комары. Пришлось быстро одеться, и я пошел к посадке. А это были ряды акаций и шелковицы-тутовника. Боясь наступить на иглы акаций, я шел, глядя под ноги, и наткнулся на мужика средних лет.

Спросил его:

– Где наши?

– Какие это наши? – проговорил он.

– Ну, наши, красноармейцы.

– А кто ты?

– Да вот, иду домой.

Наш диалог был недолгий. Пушки перестали стрелять.

– Иди по оврагу, за ним будет шлях (дорога). За шляхом – поле, за ним – речка, а за ней – картофельное поле. Там «ваши», – сказал он, и мы расстались.

Я поднялся по склону оврага. На дороге показались машины, пришлось спрятаться в высоком бурьяне и переждать, пока машины проедут. Не успел пробежать дорогу, как увидел мчащегося мотоциклиста. Тут мои нервы сдали. Я побежал под гору к видневшейся реке. Добежал до реки, передохнул, посмотрел на свои ноги – они были в крови от порезов стерни.

Река оказалась довольно широкой, но это был не Днепр. Снял одежду, свернув ее в котомку, обвязал брючным солдатским ремешком, конец взял в зубы и поплыл. Течение было быстрым и сносило меня от намеченного места, на другом берегу, влево. А плыть надо было метров сто – сто двадцать. Выгребая вправо, доплыл до другого берега. Там и было картофельное поле.

Меня удивило, что на этом картофельном поле то там, то здесь лежали то ли тыквы, то ли арбузы.

Когда я подошел ближе, то увидел, что на брустверах стрелковых ячеек лежали каски наших солдат.

Заглянув в окопчик, увидел: на его дне сидели и курили три опытных солдата. Видно, это были опытные солдаты. На полочках рядами лежали «лимонки» – ручные гранаты. Окопчик был хорошо замаскирован травой, только каски выдавали их.

Я спрыгнул в окоп, чем немало напугал солдат. «Кто ты?» – шепотом спросил меня один усач. Я ответил, что летчик со сбитого самолета. Ведь я был у своих, мне не надо было что-то придумывать. «А как мне найти вашего командира?» – спросил я. Солдат поднялся и стал кого-то звать. Ему ответили, что надо собираться в лесу – молодом сосняке, на краю поля. Мы все вылезли из окопа и по-пластунски поползли к лесу. Мне было смешно смотреть, как пожилые люди, под-

нав зады, ползут. Я шел во весь рост, ведь я знал, где немцы, и маскировка мне не нужна была. По полю на расстоянии 20-30 метров были открыты стрелковые ячейки. Вот такая оборона была против немцев. Правда, река была естественной преградой. Но немцы и не шли в атаку рядами – они ехали на машинах по параллельным дорогам, а потом, сходясь, образовывали «клещи», внутри которых были «окруженцы».

Вот так впервые я встретил красноармейцев, впервые увидел, какая была оборона против немецкого наступления. Возможно, в других местах было иначе, ведь Брестскую крепость, находящуюся в глубоком тылу, немцы не смогли взять в течение нескольких месяцев. Молодому поколению следует прочитать книгу военного историка и писателя С.С. Смирнова.

Наконец солдаты доползли до леса. Их было человек сто. Появился на коне и их командир, младший политрук. «Что тебе надо, кто ты?» – грозно спросил он. Я объяснил. «Мне не до тебя, иди куда хочешь». Потом он дал команду своим бойцам, и они мгновенно исчезли. Остался я один в молодом сосняке.

Только вошел вглубь, как услышал разрывы мин. В просвете сосен увидел, как остановился мотоцикл, с него слезли три немца, сняли с коляски маленький миномет – РМ-50 и начали палить по лесу, выгоняя все живое. А живым оказался я один. Мины взрывались, сбивая ветки. Я бежал до тех пор, пока не наткнулся на воронку. Еще теплый от взрыва песок дымился. Нас учили, что два раза в одно место снаряд не упадет. Вот в этой воронке я и решил переждать обстрел...

Собрав в кучу оторванные взрывами ветки, я замаски-

ровался. Потом обстрел кончился. Лежать в воронке мне не давали кусачие муравьи. Я бродил по сосняку и наткнулся на санитарную двуколку. Рядом лежала мертвая лошадь. В телеге были две шинели и санитарная сумка. Из нее я вытащил два бинта, пригодится. Решил, что ночевать мне придется в лесу, поэтому взял две шинели. Я услышал девичьи голоса и увидел двух девушек, ходивших собирать трофеи.

Когда я бегал от мин, на каком-то суку распорол штанину на правой ноге. «Девчата, в древности один царь обещал полцарства за доброго коня, я же вам обещаю две шинели за иголку с ниткой», – сказал я им. Они рассмеялись, увидев рваную штанину и голые ноги.

Одна девушка убежала, а с другой я разговорился. Они были сестры, их дом стоял как раз у опушки леса.

Прибежала вторая, с нитками и иголкой. Хотела зашить штанину, но мне было неудобно. Я сам кое-как заштопал. Втроем мы вышли из леса и зашли во двор.

«Мама, мама, мы хлопца в лесу нашли», – смеясь, они говорили своей матери. Она начала меня расспрашивать, а потом принесла крынку молока и хлеба.

Только я управился с молоком, как увидел подходящую к дому колонну наших пленных. По бокам шли автоматчики.

Колонна стала. Во двор зашли немцы и открыли двери сарая, стали выгонять спрятавшихся наших солдат.

На меня они внимания не обратили. Добрая женщина говорит: «Тебе оставаться в деревне нелезя, уходи. Если тебя задержат, говори «Му-му», а руками показывай, как доишь корову». Сунула мне в карман кусок хлеба, и я попрощался с ними.

Я шел по селу, только что занятому. Горел один дом, женщина вытаскивала какие-то вещи, горшки с цветами.

Недалеко от пожара сидели несколько мужиков, равнодушно смотревших на пожар, даже не пытались его потушить. На одном доме белел лист бумаги. Я подошел к нему. Это был приказ немецкого командования со свастикой. На русском, украинском и немецком языках было напечатано:

1. УКРЫВАТЕЛЬСТВО КОМИССАРОВ И КРАСНОАРМЕЙЦЕВ – РАССТРЕЛ.
2. ХОЖДЕНИЕ ПОСЛЕ 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА – РАССТРЕЛ.
3. ХОЖДЕНИЕ ВНЕ ДОРОГ – РАССТРЕЛ.
4. ЗА ПОМОЩЬ ПАРТИЗНАМ – РАССТРЕЛ И Т. Д.

Пока я читал этот приказ, подъехала и застряла в грязи открытая штабная

машина. В ней сидел немецкий генерал, как бы не тот, которого я видел накануне. Шофер крикнул немецким солдатам, те прибежали к машине, стали ее толкать.

Я стоял и смотрел на эту картину, хотел узнать, чем это кончится. Вдруг с боковой улицы вышла колонна наших пленных. Многие из них были одеты в гражданское платье. Колонну вели автоматчики, в нескольких метрах от меня. У меня пронеслась мысль: что им стоит загнать меня в эту толпу, понуро бредущую в неизвестность.

Я подскочил сзади к машине, в самую грязь, мне терять, босому, было нечего. Стал толкать машину, вернее, делать вид, что толкаю – пусть колонну подальше уведут.

Наконец мы вытащили машину из грязи, один немец похлопал меня по плечу, что-то сказал, но мне было не до него. Я поспешил выбраться из деревни засветло.

29 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

Я благополучно вышел из села. За ним лежало поле с нескошенной пшеницей. В ту сторону, куда мне надо было идти, проходила тропинка. Не успел я пройти половину поля, как над селом и полем на небольшой высоте стал кружить самолет-разведчик, «рама», так его называли наши солдаты.

А ведь я дважды нарушил приказ: шел вечером и вне дороги. Я знал, как с небольшой высоты видна земля и все на ней. На мое счастье, на тропинке лежала какая-то бочка без дна. Я залез в нее и ждал, пока «рама» не улетит. Может быть, немецким наблюдателям и в голову не пришло стрелять по мне, «но пуганая ворона и куста боится!».

Мне предстояло перейти дорогу, чтобы идти по намеченному пути. Вдруг на эту дорогу выехала колонна машин. Опять пришлось прятаться в хлебе. И опять мне повезло, из лощины вылетело звено наших «ишаков». На низкой высоте они пронеслись над колонной и броси-

ли несколько бомб, которые начали взрываться немного позже – мины, с запалом замедленного действия.

Немцы решили, что дорога заминирована и развернулись обратно. Вот в этот промежуток я и побежал. Но вскоре немцы опомнились, и не успел я пробежать метров триста, как колонна двинулась.

Из башен танков стали высовываться танкисты. Крутили головами, наверное, и меня заметили. По полю были разбросаны ящики из-под снарядов, другой военный хлам. Я стал их поднимать, другие бросал, снова поднимал – делал вид, что собираю трофеи. Так постепенно я дошел до села. Оно как будто вымерло – никого не было видно. Войска, видимо, только что прошли по этому селу. Около одного большого дома стоял флагшток, а около двери висела вывеска: «Сельская Рада». Внутри никакой мебели – все растащили, только в большой комнате, для заседаний, стоял громадный стол. Его ни в окна, ни в дверь вынести было нельзя.

Вечера стали прохладнее. Надо было искать ночлег. Пошел по улице. Во дворе одного дома горел костер. Около него сидело несколько женщин. Я подошел к ним и спросил, можно ли мне у них заночевать. «Нет, нельзя! Нам за тебя отвечать неохота!» – проговорила одна на чистом русском языке. Она была одета по-городскому.

Такой ответ меня озадачил, до этого времени я таких слов не слышал ни от кого.

– А где же мне переночевать? – спросил я.

– Идите в Раду.

Обижаться на эту горожанку я не мог – сам читал немецкие приказы. Немного мы поговорили, женщины сказали, что их село дважды переходило из рук в руки.

Делать нечего, пошел я в Сельскую Раду. Достал из кармана бинт, перемотал им ногу, где-то наколот. Лег на стол, заснул, в этот день много было происшествий.

30 ИЮЛЯ 1941 ГОДА. РАННЕЕ УТРО

От холода и жестких досок стола проснулся еще до восхода солнца. Выходя из села, увидел в глубине одного двора старушку, а из трубы хаты поднималась струйка дыма.

За селом то тут, то там невысокие сосны. Около одного дерева стояла полевая кухня с передком. Недалеко – обозная телега. Я открыл крышку котла полевой кухни. В котле была еще теплая пшенная каша. Попробовал ее, а она протухла, есть

было нельзя. В передке, в ящике лежал ящик со сливочным маслом, большой толстый кусок соленого сала, мешок с солью килограмм на 10 и громадный штык-нож.

Взвалив мешок с солью на спину, пошел на дымок. Подошел к старушке, говорю:

– Вам соли не надо? Дайте мне взамен хлеба.

Старушка говорит:

– Хлопец, а и так дам хлеба, а за соль – спасибо.

Она вынесла из хаты круглую, еще горячую буханку, спеченную на капустном листе. Я поблагодарил старушку и вернулся к кухне. Хотел разрезать буханку и

намазать половинки маслом, но подумал, что масло растает. Отрезал от куска сала большой ломоть, а сало было толщиной с ладонь. Из повозки взял два противогаса, БС – боевой, секретный, ими была полна повозка. Вытащил противогаз, маску. В сумку положил хлеб, сало. По моим расчетам, я мог три дня питаться автономно. Только стал уходить, как меня окликнули:

– Хлопец, а где можно поесть? – из-за кустов вышли несколько безоружных наших солдат.

– А вот кухня, там – сало, масло, мне не жалко, ешьте.

Я не стал задерживаться и пошагал, солнце уже поднималось.

31 ИЮЛЯ 1941 ГОДА. ПОЛДЕНЬ

Мне надо было оторваться от наступающих немцев. Нога уже не болела. Провианта много. Буду идти долго, может до Днепра доберусь, размышлял я. Опыт первой встречи с нашими говорил мне, что надо уходить. Дорога была вымощена булыжником. По таким дорогам немцы быстро двигаются на своих танках.

Впереди показалось утопающее в зелени большое село. На самой его окраине виднелись люди в военной форме. Сидели они в небольшом окопчике. Не в зеленой, лягушачьей, как у немцев, а в защитной. Ура! Наши! Это была огневая позиция 45-мм противотанковой пушки. Я подумал, нелегко ей придется, больше нет ничего. В открытом окопчике си-

дел расчет – 5 человек. Я прошел мимо. Меня солдаты не остановили. А мне не хотелось терять время на разговоры, пошел дальше.

Встретил лейтенанта, шедшего под руку с молоденькой девушкой-санитаркой. Они весело смеялись. Им не до меня.

Село было большое. Видимо, районный центр. Справа от дороги – красивый кирпичный завод, кованые решетки ворот. Это был бывший фольварк, имение помещика, подумал я. Слева от дороги – школа, во дворе выставлено много парт. Ходят и ходят солдаты. На крыльце стоит и курит полковой комиссар, на петлицах гимнастерки – «шпалы», на рукаве – звезда.

Я уже выходил из села, как услышал за спиной топот копыт лошади. Иду не оглядываясь.

– Стой, куда идешь? – слышу громкий окрик. – Поворачивай назад, – скомандовал кавалерист.

Я говорю: «Веди меня к полковому комиссару». (Решил, что если с кем говорить, то с начальством.)

– К какому комиссару?

– А к тому, что на крыльце курил.

Иду, позади – конник. Пришли, на крыльце его нет, видать, накурился. Дежурный по штабу пошел звать начальство.

– Чего тебе надо? Кто ты? – спросил комиссар, недовольный, что его побеспокоили. Я объяснил, кто, куда иду, в свой полк.

– Отведите его к старшему политруку, он разберется.

Под конвоем двух солдат в зеленых фуражках иду через кованые ворота в парк. Мои «проводжатые» стали спрашивать, где тот старший политрук.

– Да он в ставке (пруду) портянки стирает. – Подошли к пруду. На берегу сидит политрук босой. На кустах развешены портянки. Конвоиры мои доложили, что посланы к нему комиссаром.

– Садись, рассказывай. – Вокруг сидят солдатики, слушают. Я достал зеркало, прочитал, по каким деревьям шел, рассказал про самолет.

Он говорит: «Все правильно, я там был. Что тебе надо?»

– Дайте мне документы, чтобы мне добраться до полка.

– Некогда мне с тобой возиться, иди так.

– А если меня опять задержат?

– Скажи, что был у меня.

Я рассчитывал, что меня выслушают, будут рады, что живой выбрался из окружения. Был разочарован таким невниманием.

– А кто меня кормить будет? – разозлился я.

– Старшина, выдай ему паек.

Было, видимо, обеденное время. Солдаты получали по одной банке свиной тушенки на двоих. Мне дали одному целую банку. Солдаты попросили меня рассказать о себе. Один из них ножом вскрыл мою тушенку, я рассказывал. Есть мне не хотелось, на эту мою банку так уставился молоденький солдат, что мне стало его жалко. Отдал полную банку тушенки ему. Пора было уходить. Я говорю: «Ребята, иди до ворот далеко, я через забор перелезу!»

«Конечно, ты ведь летчик!» – и пошли меня провожать группой. Подсадили меня на забор, я спрыгнул. Оглянулся – за забором торчат головы моих проводжатых.

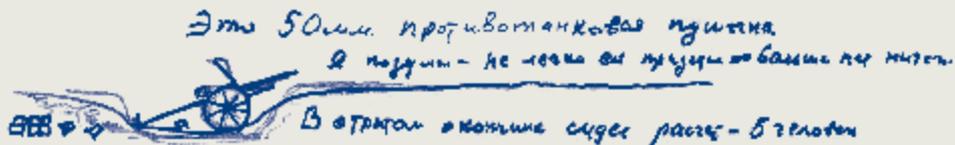
Не успел я пройти немного, как опять меня остановил конник.

– Это наш летчик, его отпустил политрук, пусть идет, – кричало сразу несколько голосов.

31 ИЮЛЯ 1941 ГОДА. ВЕЧЕР

Я прошел много километров, меня никто не останавливал. По обочинам дорог, в поле, видел много брошенных колесных тракторов ХТЗ, повозок, машин. Бродили без призора коровы, лошади – это были

страшные следы отступления. Кончалось горячее в баках – сбрасывали с обрывов сельскохозяственную технику, падали от бескормизны животные – бросали и их. На дороге стояло несколько грузовых машин

ГАЗ-АА и «Эмка», легковая машина ГАЗ-М1.

В кузове одной машины сидели несколько девушек в гимнастерках и молодой лейтенант. Я подошел к нему и рассказал, что самолет мой был сбит немецкими зенитками, а я иду в свою часть, расположенную в Курской области. Он ответил: «Лезь в машину, расскажи подробно».

Из разговоров девушек я понял, что это какой-то штаб направляется от фронта в тыл. Машина тронулась, и вскоре мы доехали до большого дубового леса, где должны были заночевать. Кто-то из начальства увидел меня и спросил: «Кто это?».

– Да я задержал его по дороге, говорит, что он летчик.

Меня это возмутило, говорю: «Лейтенант, я же сам просил вас меня подвезти!»

«Слезай с машины» – приказал он, позвал какого-то солдата в зеленой фуражке, приставил ко мне, чтобы покараулил.

Я еще не знал, что воевали на фронте разные войска. На фронте – армия, а в тылу – войска НКВД, которые подчинялись Берии, министру внутренних дел. Узнал об этом позже. Пришел лейтенант с пачкой бумаг. Мы сели на бревно, я подробно ему рассказывал, он записывал. Закончив писать лист, подает мне: «Читай и распишись!»

– Зачем читать, я ведь вам рассказал.

– Такой порядок. Читай, распишись!

Так он исписал четыре листа бумаги, везде я распишивался. Стало совсем темно. Девушки, смеясь, укладывались спать в кузовах машин, а ко мне приставили солдата в фуражке с зеленым околышем. Мы сели под большим дубом, опершись спинами об его ствол. Я ему говорю: «Как ты думаешь, скоро со мной разберутся?»

– Должно набраться несколько задержанных, потом вас отправят в тыл.

Солдат есть солдат. Мы с ним почти подружились. Было прохладно. Он накинул мне на плечо одну полу телогрейки, другую – на свою спину. Вскоре он заснул. А я не мог уснуть, какая-то тревога закралась в душу.

По лесу стлался туман, я продрог. Вышел на опушку леса, все крепко спали. «Может, мне уйти?» – подумал я. Но своим уходом я подведу солдата, с которым мы почти подружились. Вернулся, стянул с него телогрейку, он даже не проснулся. Задремал и я, укрывшись его телогрейкой.

Утром пошел слух, что этот штаб останется в лесу на неопределенное время. Вспомнили обо мне, вернее, я стал спрашивать, когда мне выдадут документы. Лейтенант сказал, что когда наберется несколько человек, таких, как я, отправят в коммандатуру.

Днем появился майор, отставший от своей части, капитан-связист и лейтенант-кавалерист. Майора назначили старшим, вручили запечатанный конверт, и мы двинулись в путь. Нас нагнала полторка ГАЗ, в ней сидели офицеры, знакомые капитана. Мы забрались в кузов. Там навалом лежали винтовки, сабли, каски – трофейная команда подбирала брошенное оружие. Машина остановилась у какого-то штаба. Майор ушел докладывать. Капитан и лейтенант вскоре тоже ушли – им дали назначение по месту расположения части. Остался я один, без всяких документов.

Вышел дежурный, позвал меня. В полутемной комнате сидел за столом старший политрук. Приказал: «Садись, рассказывай!» Я ответил, что вчера уже все рассказал. «То было вчера», – сердито проговорил он. И все повторилось: я говорил, он писал. Потом я читал и подписывал.

А.А. Дейнека.
Пейзаж с беженцем и грузовиками.
Лист из альбома фронтовых зарисовок. 1942

Когда допрос был окончен, он сказал, что меня отвезут в особый отдел десантного корпуса.

Двум солдатам в зеленых фуражках вручили запечатанный конверт, и мы отправились в путь. По дороге разговорились. Ребята были пограничники, отступали от самой границы. Я свою историю им рассказал. На поле гуляла лошадь. Они поймали ее, сели вдвоем верхом, я шел рядом, троим на спине места не было.

«Пить хочется», – сказал один солдат. Мы шли по дорожке. Я говорю: «Ребята, я сейчас всех напою». Зашел в один двор, у женщины попросил воды. Она вместо воды вынесла кувшин с молоком. Его я отдал солдатам. Пошли дальше. Нам встретился какой-то офицер, его спросили, где находится Особый отдел. Оказалось, что он и есть уполномоченный Особого отдела, но другого, чем было указано на конверте.

Это был здоровенный малый, с автоматом, пистолетной кобурой, кин-

жалом. Он и говорит солдатам: «А что вы с ним возитесь? Пристрелите и все!»

– Нет, нам приказано доставить летчика в авиадесантный корпус.

Я осмелел, говорю политруку: «Побывали бы вы там, где я был, узнали, что происходит».

– Ну-ну, поговори у меня! – На этом мы и разошлись.

Особый отдел второго воздушно-десантного корпуса располагался в школе на окраине города Канева – вот я и дошел до своей цели, до Днепра, но не так, как думал. Солдаты отдали конверт, получили документ, что сдали меня по назначению, и мы простились.

Как и другие особые отделы, в которых я побывал, этот находился в школе. На дворе стояло несколько парт. В большом сарае слышался гул многих голосов. На крыльце стоял дежурный с автоматом. Я хотел сесть за парту, но он приказал мне сесть на землю. Из дома вышли двое. Идущий впереди

был в гимнастерке без петлиц, без ремня. Гимнастерка полинявшая, в подмышках мокрая от пота. Идущий позади – с большим пистолетом. Они зашли за сарай. Раздался выстрел. Вернулся один, пряча пистолет в кобуру. Вот куда я попал.

Из школы вышел молодой лейтенант, с «курицей» на фуражке – отличительный знак авиационного офицера. Мне приказал: «Сядь за парту, рассказывай!»

Мой рассказ так его заинтересовал, что он забыл, что надо записывать. Я говорю: «Товарищ лейтенант, надо писать». Он стал писать, а когда лист исписал, я взял его и поставил свою подпись. Он удивленно посмотрел на меня. «Откуда ты знаешь?»

– Я уже два раза подписывал, научился!

Мы долго разговаривали. Затем он приказал: «Иди в сарай, послушай, о чем там говорят».

1 АВГУСТА 1941 ГОДА

На соломе в сарае лежало более двадцати человек. Они стали спрашивать меня. Я кратко рассказал о своем пути сюда. Один из них говорит: «Ну, парень, у тебя дела не так уж плохи». Что оставалось делать им? Оказавшись в таком же положении, говорили, как, когда попали в окружение, как выходили, как их задерживали. Вскоре разговор прекратился.

2 АВГУСТА 1941 ГОДА. УТРО

Утром я увидел сквозь щели в воротах лейтенанта, позвал его. Часовому он приказал, чтобы меня выпустил.

– Лейтенант, вы просили меня послушать, о чем говорят?

– Да ладно, не нужно, – он махнул рукой. Видимо, ему было неприятно, что он заставлял меня подслушивать. – Сиди во дворе, скоро тебя вызовут, – сказал он.

Пришел старшина, подает мне котелок с гречневой кашей.

– Извини меня за вчерашний день, когда я приказал тебе сидеть на земле.

Я не понял, почему все так круто изменилось в моей судьбе. Не успел доесть кашу, как дежурный, выйдя на крыльцо, крикнул: «Старшина Глотов, заходи».

В полутьме комнаты, бывшего класса, сидел комиссар с тремя «шпалами» на петлицах.

– Сядь, скажи-ка, страшно ли было?

Я понял его вопрос и ответил: – Где страшно, там или здесь? Там мне было не так страшно, как тут!

Он засмеялся и говорит: – Это война, ты должен понимать. Что ты хочешь?

– Мне нужны документы, чтобы я мог отбыть в свой полк.

– Хорошо.

И подает мне вот такие документы:

1. Справка о том, что выдана особым отделом II воздушно-десантного корпуса, старшине Глотову, для

продолжения службы в 220 Авиационном полку АДД.

2. Продовольственный аттестат.

3. Вещевой аттестат.

4. Литер. для проезда на железной дороге.

– Доволен ли ты? – засмеялся он, посмотрев на мое «обмундирование» и на босые ноги.

Я поблагодарил, но он ответил:

– Вещевого склада еще нет, старшина выдаст тебе ботинки. Вопросы есть?

– Вопросов нет, разрешите идти?

– Счастливо добраться до полка.

Я не понял сразу, почему все так быстро и хорошо разрешилось. Много лет позже, в мае 1942 года, я понял причину. Но об этом я напишу дальше.

Взял в руки солдатские башмаки, а одеть на босые ноги не смог. Надо было искать портянки или носки.

2 АВГУСТА 1941 ГОДА. ПОЛДЕНЬ

Я иду по уютному, утопающему в зелени городку, стоящему на высоком берегу широкой реки. Это Днепр. Наконец-то я дошел до него! Среди зелени стоит памятник. Подойдя к нему, увидел, что это памятник Тарасу Шевченко, смотрящему на Днепр. На пьедестале надпись: «Як умру, то поховайте мене на Україні милой...»

Пошел я бродить по городу Каневу. Дома брошены, двери открыты. Зашел в один дом, стоит новый велосипед. Я обрадовался, теперь буду ехать. Но шины были спущены, насоса не нашел. Ехать на ободах не хотелось, было жалко велосипед ломать.

На втором этаже – ворох книг на полу. Я поднял одну, вместо букв какие-то значки. Начало страницы – с последней. На обложке, где обычно стоит название и автор – цена. Так я впервые узнал, что в староеврейском языке книги напечатаны наоборот и читать их надо с последней страницы, справа налево, снизу вверх. В комодке нашел несколько женских чулок. Обрезав у них голенища, одел по три на каждую ногу вместо носков. Ногам стало уютно.

По крутому спуску подошел к Днепру. У паромной переправы, на

обоих берегах реки столпотворение машин, людей, техники. Регулировщик по очереди пропускал колонны. У въезда на понтонный мост стояли две машины: полторка ГАЗ и ЗИС-5. На полторке на мешках с сахаром сидели техник-лейтенант и три моториста. На ЗИС-5 лежали два авиационных мотора, таких, как на нашем самолете. Я подошел к технику (он был уже «навеселе») и говорю: «Разрешите мне с вами переправиться на другой берег», – а чтобы он не отказал, показал ему справку из особого отдела.

Прочитав, он сказал: «А зачем тебе ехать куда-то далеко? Сядь, будешь у нас в Запорожье служить, какая разница, где воевать?» Я залез в кузов. Чтобы не привлекать внимания, он накинул мне на плечи свой офицерский плащ. Регулировщик дал сигнал, и мы поехали по мосту.

Моя романтическая мечта переплыть Днепр на какой-нибудь доске не осуществилась. На войне бывает и сложно и просто. Просто, потому что за эти три дня я повстречал много хороших людей. Но были и плохие, как тот «особист».

В дороге мы разговорились. Вынужденную посадку подбитый ИЛ-4 совершил в поле. Экипаж сооб-

шил, где они сели, на это место привезли моторы, сменили их, самолет улетел. А мы везли снятые моторы. По дороге заехали на сахарный завод, загрузили полуторку сахаром и ехали домой с комфортом.

С высоты машины мне представлялась война в другом свете: шли пешком, везли свой скарб на тележках женщины, дети, старики. Гнали скот, бросали машины, трактора. Это я видел и раньше. Но в таких масштабах, когда вся дорога запружена, это – впервые.

*А.А. Дейнека.
Голова парашютиста. 1944*

2 АВГУСТА 1941 ГОДА. ВЕЧЕР

К концу дня мы приехали в город Черкассы, расположенный на Днепре ниже Канева. У моих новых друзей в Черкассах, в туберкулезном санатории были знакомые девушки. В нем решили заночевать. По понтонному мосту переправились на правый берег. В красивом сосновом лесу стояли деревянные домики. Когда я узнал, что это туберкулезный дом отдыха,

побоялся заразиться, решил заночевать в машине.

Ночью налетела немецкая авиация бомбить переправу. Вот тут-то мне и пришлось самому испытать, что значит попасть под бомбежку. Но все обошлось. Мост саперы починили, и вот мы уже на левом берегу Днепра.

3 АВГУСТА 1941 ГОДА. ВЕЧЕР

К концу дня дорога привела нас в Кобеляки. По городу ходили веселые люди, звучала музыка. Война, казалось, еще не пришла в этот город. Лейтенант оставил сторожить машины мотористов, а меня повел в ресторан. Он был добрый мальчик. А повел он меня по такой причине:

въехав в город, мы услышали паровозные гудки. И мое решение ехать в их полк изменилось. Я вспомнил своих родных, своих товарищей и сказал об этом технику.

– Ну, что ж, это правильно, зайдем в ресторан пообедать. Ты мне очень понравился!

В ресторане мы сели за столик, официантка принесла нам хорошую закуску, он достал бутылку самогона, а две бутылки красного вина заказал.

Самогон я пить не стал, выпил стакан вина. Лейтенант совсем захмелел, надо было это застолье кончать. Я достал тридцатку (она была красного цвета), расплатился с официанткой и еле-еле довел своего друга до машины.

Отдал ему плащ, мы расцеловались, я простился с мотори-

стами. Оказалось, что они окончили ШМАС в Воронеже, как и я.

Моим ориентиром служил паровозный гудок. На его сигнал я вышел к вокзалу. Длинный состав уже тронулся. На крышах вагонов, на площадках, на буферах, лестницах сидели, лежали люди.

Я догнал последний вагон. Свободной оказалась только нижняя ступенька. Я сидел, свесив ноги, чтобы не упасть, заснул, обвязав себя солдатским брючным ремешком к поручням.

Вот так я и ехал, держа в кармане литер на проезд по железной дороге.

3 АВГУСТА 1941 ГОДА. НОЧЬ

Поезд остановился на какой-то станции. Из вагонов высыпали на перрон мальчишки в черной форме, это фзушников везли в эвакуацию. Их построили и повели ночевать в пустующее здание школы. Об этом я услышал из разговоров сопровождающих воспитателей. Узнал также, что их повезут в Харьков после пересадки на другой поезд. Это меня устраивало, поэтому я пристроился в хвосте колонны. Здание школы было старинной постройкой, с чугунной лестницей. Ребятам повели на вто-

рой этаж. Я подумал, что когда утром их поведут на поезд, они своими ботинками, гремя по лестнице, разбудят меня, поэтому забился в угол под лестницей. Там и проспал до раннего утра.

Как я и рассчитывал, под утро грохот башмаков разбудил меня, и мы сели в другой поезд, Полтава – Харьков. Оказывается, я еще и в Полтаве побывал, жаль, что не пришлось побывать на поле русской славы, поле, где Петр I победил шведского короля!

4 АВГУСТА 1941 ГОДА. ВЕЧЕР

Весь день мы ехали с остановками, пропуская воинские эшелоны. К концу дня прибыли в Харьков, в этом городе я раньше бывал. На привокзальной площади все было уставлено узлами, чемоданами, прочим скрабом великого множества беженцев. В военной комендатуре узнал, что поезд до Курска будет на следующее утро, но мой литер ничего не значил, все билеты уже проданы. Впрочем, я и не рассчитывал ехать с комфортом, лишь бы скорее в путь!

На небе ярко светила полная луна. Вдруг завывла сирена воздушной тревоги. Вся площадь миглом опустела – остались лежать тюки и чемоданы. На фоне луны показался самолет, это был четырехмоторный ТБ-3. На таком самолете в 1935 году была высажена на Северном полюсе первая экспедиция под командой Ивана Папанина, черноморского боцмана.

Это тяжелая машина с максимальной скоростью 130 км/час, экипаж – 12 человек. Сколько за-

мечательных летчиков погибло на практически беззащитном самолете! Но Сталин приказал: бомбить. Впрочем, я отвлекся, вспомнив полярников.

Тревогу, оказывается, зря подняла служба ПВО. Вот такая была связь. Чтобы скоротать время до утра, я пошел на «эвакопункт» на Холодной Горе, присел на лавочке в парке. Вдруг ко мне подошли 5 или 6 девушек с повязками, это был патруль. Видимо они приняли меня за немецкого шпиона. Я не стал их разочаровывать и начал плести разные истории.

Они отошли в сторону, стали шептаться, потом ушли, оставив одну девушку со мной. Она села рядом, обняла меня за плечи, видимо, чтобы я не убежал. Вскоре патруль вернулся вместе с офицером и двумя солдатами с винтовками. Я предъявил справку офицеру. Он посветил фонариком и рассмеялся: «Что же ты девкам голову морочил?»

Мы посидели с ним до рассвета, я ему рассказал о своих похождениях. На вокзале офицер посадил меня в поезд. Поезд поехал медленно.

5 АВГУСТА 1941 ГОДА. УТРО

В Курск мы приехали утром. К старому вокзалу трамвай подходил очень близко. Я боялся, что кто-либо из знакомых увидит меня в такой одеянии, и, как только подошел трамвай, заскочил на заднюю площадку, где встретился лицом к лицу с Ольгой Викторовной Сенаторской, учительницей физики и классной руководительницей нашего 10-го «А» класса,

нашей соседкой по улице Чехова. Она удивилась встрече не меньше, чем я:

– Шурик, я должна предупредить твою маму, Капиталину Ефремовну, ведь она считает тебя погибшим!

– Ольга Викторовна, ведь я жив, почему ей будет плохо? Спасибо, но я сам поеду к ней!

– Ну, как знаешь. Пока мы ехали, я вкратце рассказал ей свою историю.

Мы жили в ведомственном доме Госстраха, кухня нашей квартиры выходила в сад. Я поднялся на крыльцо, дверь была открыта. В дверном проеме был виден мой силуэт, мама сидела и чистила картошку. В то время через Курск ехало много беженцев, и она, увидев стоящего в лохмотьях человека, протянула мне кусок хлеба...

– Мама, это я!
Она обняла меня и заплакала.

– А где же папа?
– Он в Кшени, поехал искать твою могилку.

Я умылся, переоделся в свою еще школьную одежду и побежал на почту дать телеграмму на инспекцию Госстраха в Кшени. «Я – дома», вот такой текст.

5 АВГУСТА 1941 ГОДА. ПОЛДЕНЬ.

Так случилось, что именно в это время отец разговаривал с командиром нашего полка, майором Твердохлебовым. О гибели самолетов майор не стал отцу рассказывать и отослал его к нашему полковому комиссару.

Комиссар показал отцу книгу регистрации боевых вылетов. В ней вылет каждого самолета на задание записывался подробно. Там значилось, что экипаж ИЛ-4 №10 в составе летчика Александра Смирнова, штурмана Анатолия Булавко, старшего радиста Александра Глотова, стрелка Михаила Богомолова вылетел 24 июля 1941 года в 11-00 в район Белой Церкви. Бомбовая нагрузка, цель. Подпись комполка, печать. На словах комиссар сказал, что о самолете пока ничего не известно. Бывают случаи, когда экипажи воз-

вращаются спустя какое-то время. Но война есть война.

Отец опечаленный пошел в инспекцию Госстраха, где работали его подчиненные, в том числе и Шура Антипова. О том, что я вылетал на задания уже не раз, дома знали благодаря этой девушке. Она звонила и писала нам домой. Отец сел на поезд Воронеж – Киев и поехал домой. А в это время почтальон принес мою телеграмму в инспекцию.

Шура звонит начальнику станции Мармыжи, что в 9 км от Кшени, и просит объявить по радио Глову Александру Ивановичу, что получена телеграмма от сына.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как я видел отца, когда был дома в отпуске. Теперь мне трудно было его узнать.

У меня сохранилась фотография нашей семьи. Фотограф снял нас четверых: мать, отец, сестра Мария и я

16 АВГУСТА 1941 ГОДА. ПОЛДЕНЬ

Пришли офицеры: «Ну что, побывал дома?» «Нет, охраны побоялся», – ответил я. «Скоро полетим на свой аэродром», – сообщили мне. Нам дали разрешение на взлет только около пяти часов вечера. Если бы знать, я смог бы еще побывать дома.

Когда мы сели в Кшени, то узнали, что другие два самолета раз-

бились, не найдя аэродром, закрытый густым туманом. Закончилось горючее, и они упали на землю. Видимо, радисты не смогли настроиться на наземную рацию.

Вот так еще раз мне повезло, и мы благополучно перелетели на свой аэродром.

7 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА

3 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА

Нашему полку, вернее его остаткам, подали эшелон, мы погрузили свое имущество и поехали на восток. В основном ехали техники, летного состава было мало.

А.А. Дейнека.
Рисунок из альбома фронтовых зарисовок. 1941

Вот уже несколько дней, как мы едем на восток. Эшелон наш часто останавливался, пропуская поезда, везущие в эвакуацию заводы. На платформах станки, оборудование, подбитые танки, самолеты. Очень много едут на восток гражданских: женщины, дети, старики. На станциях и на остановках – страшная антисанитария, разруха. Мы доехали до Чкалова (бывшего Оренбурга). Где-то здесь будет располагаться сборный пункт «безлошадных», так мы называли тех, кто лишился техники.

8 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА

Наконец мы доехали до станции Донгузская, это на половине пути от Оренбурга до Соль-Илецка, в башкирских степях. В этих местах Емельян Пугачев собирал свое разноплеменное войско, объявив себя царем. В этих местах побывал А.С. Пушкин, собиравший материал для своей книги «История пугачевского бунта».

В казармах артиллерийского полигона разместили нас. Не-

далеко от полигона были также разгружены склады оружия, вывезенного из киевского арсенала. Все в ящиках, выгружено прямо в степи, там и старинное оружие, вплоть до дуэльных пистолетов.

Мы режем ножовками по разметке стальной уголок, электро-сварщики из заготовок варят двухэтажные нары. На довольствие нас еще не поставили, питаемся очень

большими и сладкими арбузами и белым пушистым хлебом, почему-то названным горчичным.

Ничего, жить можно. Наконец наш быт наладился, очень много знакомых, прилетело несколько уцелевших самолетов. Летчики понемногу летают, но их часто забирают переучиваться на штурмовиков, улетел и наш командир, Александр Смирнов.

В степи стало холодно. Что-бы чем-то занять молодых мужиков, начальство придумало рыть окопы. А земля – как бетон. Ломами долбили, но толку было мало. Даже умудрились ломы согнуть. Пришло началь-

ство проверять нашу работу, а ломы гнутые, лопаты поломаны. Махнули рукой. А радио каждый день сообщает: сданы после упорных боев населенные пункты, немцы уже в Курске.

Вечером играем в шахматы. Меня тоже включили в команду стрелков против команды штурманов. Каким-то образом я обыграл лейтенанта Сабо. Он занял первое место и очень хотел, чтобы я с ним переиграл, хотелось быть «сухим» чемпионом. Как он меня ни уговаривал, я не согласился, хотя мне его и было жаль. Начались знаменитые оренбургские метели.

НОЯБРЬ 1941 ГОДА

5 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА

Пришло известие, что погиб Саша Смирнов. Он был командиром звена «горбатов», штурмовиков ИЛ-2.

Фюзеляж этих «летающих танков» был из брони. До середины был откован целиком, защищая мотор, баки, летчика. Однажды, возвращаясь с задания и расстреляв боезапас и РС, реактивные снаряды от «катюш», Саша увидел идущую по дороге колонну немцев. На бреющем полете буквально проутюжил своим самолетом немцев несколько раз, пока не врезался в землю.

Вьюги здесь такие, что в нескольких метрах ничего не видно. Я должен был сменить офицера, дежурившего на аэродроме. Днем дежурили офицеры, а на ночь наряды начальник штаба давал радистам. Оделся я тепло: меховой комбинезон, унты.

Было еще светло, но вьюга замела тропинку. Долго брел по снегу, пока не наткнулся на столбы, идущие вдоль железной дороги. Наконец увидел очертания самолетов, нашел землянку.

Офицер, которого я менял, был в хромовых сапожках, шинели. Говорю ему: «Товарищ лейтенант, не ходите, заблудитесь». Но он все-таки пошел в эту пургу и заблудился. Чтобы не замерзнуть, ходил всю ночь. Вышел на железнодорожный полустанок в пятнадцати километрах от казарм.

А.А. Дейнека.
Сбитый ас. Эскиз. 1943

**ДЕКАБРЬ 1941 ГОДА –
ЯНВАРЬ 1942 ГОДА**

Немцы под Москвой, наступают на Харьков, сводки с фронта – все тревожнее, а мы – в глубоком тылу. Остатки АДД берегут, где-то на Дальнем Востоке строят для нас самолеты. Прошел слух, что скоро мы снимемся с места, полетим или поедим в Среднюю Азию.

Летчиков для дальней авиации готовили в двух Высших школах штурманов и летчиков, ВШШЛ: одна – в Дягилево, под Рязанью. Там командовал Герой Советского Союза Александр Беляков. А вторая – в Иваново, там командовал Герой Советского Союза Георгий Байдуков. Это они с Валерием Чкаловым

в 1936 году (или в 1935-м?) совершили беспосадочный перелет через Северный полюс в Америку, сели в Ванкувере, стали почетными гражданами Америки.

Слухи вскоре подтвердились. Из оставшихся в полках самолетов стали формировать эскадрильи, и они, совершив посадку в Чкаловске, летели на Ташкент, а потом еще дальше, в Карши и Мары.

Эти места были выбраны потому, что там из 365 дней в году 340 были безоблачными. В эти города перевозилась техника для обслуживания полетов, поездами ехал техсостав.

МАРТ 1942 ГОДА

Наконец и с нашего аэродрома в Донгузской стали взлетать самолеты.

1 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА

На завтра назначен вылет нашей эскадрильи.

Всю ночь была пурга. Мороз 20°. Утром пошли на аэродром, а самолеты до крыльев занесло снегом, начали их откапывать, трамбовать снег на взлетной полосе. Вылетели только к полудню. Вскоре снега на земле видно не стало, показалось Аральское море. Синяя-синяя вода. Где-то справа

встало громадное облако оранжевого дыма, поднимаясь с земли, наверное что-то испытывали. Но вопросы задавать было не положено.

По заранее разработанному маршруту селились мы в городе Джусалы. Запросили посадку, очень четко сработали наземные радисты гражданского аэродрома. Температура +25°. Вот такой перелет за 4 часа: –20° – +25°!

Пошли в столовую, нас было три экипажа. Техников взяли с собой. В столовой только пшенная каша и в нагрузку – 200 граммов спирта.

Кашу не ели, спирт сливали во фляжки. К вечеру стало прохладно, потом температура стала –5°. Вот когда вспомнил уроки географии про резко континентальный климат.

3 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА

Заправили самолеты. Вылет нам не дают, погода в Ташкенте плохая. Мы, радисты, пошли знакомиться с наземными радистами, уж очень четко они работали! Оказалось, что это были очень милые девушки, и для них наш прилет был праздником.

5 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА. УТРО

Наконец-то нам разрешили вылет. В Джусалах был еще аэродром истребительной школы, эвакуированной из Чугуева Харьковской области. Они приветствовали нас в воздухе, пройдя рядом, помахали крыльями.

5 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА. ПОЛДЕНЬ

Сели на аэродроме в Ташкенте. Аэродром маленький, при авиазаводе. Весь город застроен глинобитными домами с плоскими крышами. Окружен аэродром дувалами, глиняными заборами. Пошли на базар. Какое это чудо, восточный базар!!! Чего только там не было, несмотря на раннюю весну: луковицы по полкилограмма, огурцы с полметра, урюк, сушеные дыни, изюм, вино «Марсала».

У меня на щиколотке правой ноги и на бедре высыпали фурункулы. Нога распухла, в сапог не лезет. Хожу левой ногой в сапоге, а правой в унте. Увидела меня врач из санчасти, велела зайти. Осмотрела, говорит: «Ты что, хочешь без ноги остаться?» Положила меня в санчасть. Пришел командир, говорит, что полетят без меня, а когда подлечусь, заберут другие экипажи.

10 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА. САНЧАСТЬ

Нарывы прорвались, но на ноге еще была опухоль. Из окна санчасти я увидел, как прилетели еще три самолета. Немного погодя в санчасть пришел лейтенант Штурм. Он искал меня, так как эти три самолета были последними и ему было приказано найти меня и забрать с собой. Ему очень не хотелось улетать из Ташкента так быстро. Он нашел какую-то неисправность в самолете, и его

отправили на ремонт в авиамастерские. Через три дня самолет отремонтировали, можно было улетать. Врач протестовала, я еще не совсем поправился, но не оставляй же меня в Ташкенте. Конечно, ведь пункт, куда нужно было попать, город Карши, располагался по другую сторону Чиссарского хребта, в нескольких сотнях километров от Ташкента.

14 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА

Мы вырулили на взлетную полосу, она упиралась в дувалы, а за ней виднелись горы, через которые нам надо было перелететь. Тяжело нагруженный имуществом самолет еле-еле оторвался от земли над самими дувалами.

Скоро мы подлетели к горам. Маршрут перегона самолетов проходил через ущелье. Как нам говорили, это ущелье называлось Тамерлановы Ворота. Именно через эти «ворота» монголы после завоевания Китая и Афганистана двинулись в Европу.

Мы летели ниже гор по узкому извилистому ущелью. Казалось, что впереди стена, но за поворотом снова стена, и так несколько раз. Суровая красота этих мест заворажи-

вала. Если вдруг откажет мотор, то сесть было нельзя. До этого ущелья я не одевал парашют, т. к. ламки подвесной системы из-за опухшего бедра нельзя было застегнуть, но когда я все же умудрился надеть парашют, на душе сразу стало как-то спокойнее.

Внезапно горы закончились. В стороне был виден город, наверное, это был Самарканд, родина учёного астронома и математика Улугбека. Под нами снова пески, пески, кое-где видны постройки, это кошары, загоны для каракулевых овец. Их стада были хорошо видны сверху.

Самолет сел в Каршах, где располагалась школа, а в 30 километрах на станции Нишан – полевой аэродром для нашего полка.

14 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА. НИШАН

Нишан – это кишлак, отделение каракулеводческого совхоза. Говорили, что в этом совхозе 150 тысяч каракулевых овец. Пасется это стадо все

время в движении. Травы так мало, что овцы своими копытцами ее затаптывают, поэтому все время двигаются и приходят на это место через год...

У многих овец вместо хвоста курдюки весом до 5 килограммов, поэтому катятся, как на тележках из двух колес. Но до чего вкусен этот жир, на котором сварен настоящий среднеазиатский плов!

В поселке контора совхоза, сейчас это штаб полка, там живет командир полка. Рядом – клуб и столовая. В клубе на нарах ночуют офицеры. Нам БАО (батальон аэродромного обеспечения) в стороне выкопал квадратные ямы, глубиной около метра. Над ними поставлены армейские палатки. Вместо кроватей – возвышения из земли. Ни досок, ни даже полки найти было невозможно.

А солнце почти все время в зените, температура + 40–45°. Моторы самолетов перегреваются, поэтому полеты начинаются с рассвета и до 10 часов. Частично мы летаем ночью, для отдыха отводится день. В палатках душно, то заползет фаланга, то каракурт, то скорпион. Вот так мы и жили. Воду привозили в совхоз поезде, мы называли его «водяной». На платформах огромные деревянные бочки. От жары они высыхают, из них течет вода. Пока воду машинист сливает в «хауз», мы принимаем душ! Иногда машинист звал нас искупаться в цистерне, где вода для паровоза, в ней мы плавали...

Воду «водянка» набирала в Чарджоу, стоящем на берегу Амударьи, и везла по кашарам до Керки, где снова набирала воду. И так каждые сутки снабжали водой и нас, и узбеков.

«Хауз» – это бетонная емкость в земле около железной дороги, ее круглые сутки охраняли часовые. Каждую неделю ее чистили, вытаскивая дохлых крыс и другую живность. Воду мы брали кипяченую в столовой и держали в «глечиках», кувшинах из необожженной глины, вода всегда была прохладная.

Пришел состав техперсонала. Рассказывали, что поезд шел медленно. На одной остановке один техник купил чемодан яиц. Он варил себе яйца. Однажды яйцо разбилось, и из скорлупы вылезла маленькая черепашка... Долго над ним смеялись, выбросил в окно чемодан.

Черепашки яйца от куриных не отличаются, только мельче, да и куры у узбеков мелки по сравнению с нашими.

ИЮНЬ 1942 ГОДА. НИШАН

Мы сидели в столовой. Вдруг слышим крик: «Самолет падает!», выбежали. У-2 падал отвесно. Выше него на парашюте опускался летчик, а за хвостом У-2 тянулся скомканный купол парашюта.

Мы должны были раз в год совершать прыжки с парашютом. За каждый прыжок нам платили деньги, 25 рублей. Я прыгал дважды, ощущение, когда спускаешься на парашюте, словами не передать!

В этот день радист мой товарищ Сорока прыгал второй раз. Когда он вылез из кабины, стал на крыло, расстегнулся ранец парашюта, его ветром зацепило за хвостовое оперение У-2. Самолет стал падать неуправляемый, летчику Федоренко ничего не оставалось делать, как тоже покинуть самолет.

С высоты 800 метров падал У-2. До земли было совсем близко, Сорока обрезал стропы и успел открыть запасной, нагрудный парашют. Вот так мой боевой товарищ Сорока (а я писал о нем раньше) попал в такую ситуацию.

У-2 упал прямо на стоянку наших самолетов, разбившись на щепки, ведь он был сделан в основном из дерева.

ИЮЛЬ 1942 ГОДА. НИШАН

Каждое утро наш рабочий день начинается с построения. Командир полка зачитывает плановую таблицу или какие-то приказы – все происходит по уставу.

Мы стоим в строю, но смотрим не на командира полка, его не слушаем. Видим, как за его спиной на фоне Чиссарского хребта едет по небу узбек на ишаке. Едет вверх ногами, занимая полнеба.

Все детали его красочно-го халата, корзин, свисающих по

бокам ослика его, нагруженного виноградом, персиками, видим как на цветной фотографии. Это – мираж! Фата-Моргана.

Постепенно видение это стало блекнуть, на горизонте показалась точка, приближаясь, она делалась все больше и больше и превратилась в Ибрагима. Он часто привозил нам фрукты, виноград, персики, дыни. Мираж – это оптический обман, отражение в раскаленном пустынном воздухе.

АВГУСТ 1942 ГОДА. НИШАН

В воздухе зной. До самолетов нельзя дотронуться, так накаляло дюраль солнце. Пахнет дымом, где-то горит трава. К командиру полка приехал директор совхоза, просил помочь потушить пожар. Для него пожар – громадное бедствие, овцам будет нечего есть. Меня назначили старшим над 20 солдатами. Мы поехали на полуторке в сторону дыма, с нами – бригадир, везем кошку и мешки.

Кошма – это войлочный ковер длиной метра четыре. Способ тушения прост: несколько человек тянут за веревку тяжелую кошку по

кромке огня, а один или два бойца оттягивают конец кошмы в сторону. А если огонек останется, его добирают мешками. Так мы тянули кошку часа три. Бригадир говорит мне:

– Довольно, там дальше – Туркменистан.

Машины нет, надо идти на аэродром пешком. А куда идти, в какую сторону? Я ориентируюсь по солнцу, но оно почти в зените. Где тут восток, где запад, а идти надо. На горизонте смутно видны какие-то строения. Решили идти к ним.

Постепенно картина становится все отчетливее и ярче. Видны характерные для Средней Азии постройки, минарет, все в яркой зелени, протекает река. Видны прогуливающиеся люди.

Мои солдаты – молодые ребята из сибирских деревень – никогда о Фата-Моргане и не слышали. Торопят меня: «Старшина, идем туда скорее, в речке искупаемся!»

Мои словам, что все это есть, но очень далеко, они не верят. Слишком ярко все это было, как будто в каком-нибудь километре! Идем, стало смутно видно, а потом и вовсе исчезло...

Вот, немного в стороне, показались наши самолеты. Но кто-то перевернул их вверх шасси. Так и стояли в ряд все 27 самолетов ИЛ-4, пошли в их сторону.

По мере продвижения самолеты перевернулись, стали на свои шасси. Вот такие чудеса пришло нам увидеть.

Я уже говорил, что в такую жару моторы отказывались работать, перегревалось масло. А масло было касторовое. Самая обычная касторка, которая продается в аптеках как слабительное.

Только в маслобаки ее заливают килограммов по 40. Масло привозят из БАО в прямоугольных банках из белой жести, по 24 кг. Откроешь крышку, а оно такое красивое, светло-желтое.

Недалеко, в 4-5 километрах от нашего аэродрома, в кибитках, жило несколько узбекских семей. Кто-то из шоферов БАО одну такую банку касторки на что-то сменял, а в кишлаке был праздник, Туя, по случаю рождения узбеченка. Раньше, до войны «чуреки», лепешки, узбеки варили в больших медных котлах на бараньем жиру, курдючном. Но война и тут вмешалась. Напекли наши соседи этих чуреков, наелись и побежали в дюны... Словом, Туя сорвалась.

На другой день аксакал (старейшина) пришел к командиру полка с этой банкой... Обижать местное население нельзя. Командир обещал аксакалу найти виновника. Построил полк в одну шеренгу, аксакал два раза обошел строй, но обидчика не нашел. Махнул рукой и ушел. А в ложине располагался батальон БАО. Там и был тот, кто заставил бегать весь кишлак в дюны.

Меня вызвали в штаб. Начальник штаба говорит:

– Соберись, полетишь с Федоренко в Карши.

– Зачем?

– Там узнаешь, пришей на гимнастерку погоны.

Надо сказать, что вышел приказ о новой форме одежды, петлицы заменялись на погоны. В самолете У-2 кабины открытые, ветер бьет в лицо. Во время перелета я боялся, что ветер оторвет мои погоны, и поэтому придерживал их руками. В Каршах штаб и все службы школы располагались в казармах, построенных еще до революции. В тридцатые годы с басмачеством воевал Семен Буденный, лихой вояка с пышными усами. О нем и о том времени у узбеков своя память. Если встречному узбеку жестом показать, как закручивать усы, тот начинает ругаться и плевать.

Я нашел кабинет офицера, к которому меня вызывали.

– Старшина Глотов прибыл!

– Садись, старшина, я следователь особого отдела – капитан Мелик-Пашаев. Рассказывай, что ты делал на вражеской территории?

В полутемной комнате горела настольная лампа. Капитан повернул ее так, что она освещала мне лицо, а сам был в темноте. Я говорил часа три, он меня не перебивал. Потом сказал: «Получи в штабе талоны на питание. Будешь жить в гостинице, когда надо, я тебя найду».

Я вышел, зная, что дело это не простое. Он вернул меня около дверей: «О том, что был у меня, по-малкивай». О своих похождениях в июле-августе 1941 года я почти не говорил, за исключением того времени, когда вернулся в полк. Как об этом узнал Мелик-Пашаев?

В гостинице я жил вместе с майорами: летчиком Твердохлебовым и штурманом Абушкиным. Карши – древний город, через него проходил Великий шелковый путь. Древняя крепость поражала высотой глиняных стен, башнями.

Почти две недели я гулял по Карши, ходил в узбекский театр, хотя не понял постановку. Встретил многих своих товарищей – радистов по школе, по полку, грузина Попанзавили, абхазца Пирухалава, татарина Ремеева, мордвина Саламова и других. Я тепло вспоминаю их и хочу отметить, что в то время никаких проблем между нациями не было.

Мы пошли на базар, купили несколько бутылок прекрасного вина «Марсала». Хотелось о многом поговорить, многих наших товарищей уже не было, потери были большие.

Недалеко от крепости стояла древняя мечеть. Мы зашли через ветхую дверь. Винтовая лестница вела вверх. Там на площадке было четыре окна. Я где-то читал, что мulla несколько раз в день поднимается на мечеть и призывает мусульман к молитве. Мы выпили «Марсалы», татарин Ремеев встал у южного окна и, подражая мulle, что-то прокричал из традиционного призыва.

Это была наша последняя встреча, вскоре они отправились на фронт. Придя в гостиницу, увидел записку: «Приходи». Майоры были «поддавшие». Спросили: «Куда тебе, старшина, надо идти?»

Мелик-Пашаев уже не светил мне в лицо. Сказал: «Старшина, все в порядке, иди, летай. Надеюсь, ты все понял?» До конца смысла происходящего я понял, когда в 1963 году ездил на то место, где сгорел наш самолет. Но об этом позже.

СЕНТЯБРЬ 1942 ГОДА

Я снова в своем полку. Все новые и новые экипажи отправляются от нас на фронт. Я снова и снова писал рапорты с просьбой включить меня в экипаж, но получал отказ: «Все хотят на фронт, а кто пополнение будет готовить?». О том, что я делал две недели в Каршах, меня не спрашивали.

Готовилась встреча Черчилля, Рузвельта, Сталина в Тегеране. Видимо, поэтому соорудили на крыше клуба пост ВНОС – воздушное наблюдение оповещения связи. Дежурные на этом посту мы, радисты. Днем – жара, а ночь хорошо – прохладно.

В одну ночь выпало и мне дежурство. Сентябрьская ночь – это поток метеоритов. Небо чистое, мириады звезд ярко горят, то тут, то там падают в земную атмосферу камушки небесные, сгорая, оставляют на мгновение след. Но есть и постоянно горящие огоньки, двигающиеся по небу медленно, это наши самолеты выполняют ночные упражнения, светят бортовые огни. Километрах в двадцати оборудовали полигон для бомбометания. Самолеты по очереди заходят на цель, бросают учебные бомбы П-40. Эта бомба отлита из бетона, у нее по-

роховой заряд оставляет после взрыва только дымное облако.

Я слежу за огоньками самолета, пока они не исчезают. Ровный гул мотора сменяется протяженным гулом, и вдруг вспышка пламени, а потом глухой взрыв (это не бомба взорвалась, это вошел в пике самолет), об этом говорят – работают «вразнос» моторы. К такому выводу пришла комиссия, работавшая на следующий день.

Я набрал номер комполка, доложил, что видел и слышал. Недовольным голосом тот сказал, что это учебное бомбометание, повесил трубку. Но часа через два он сам мне позвонил, спрашивал подробности. На аэродроме в Карше забеспокоились, с одним из самолетов не было связи, а время возврата уже прошло.

Утром приехало начальство, вызвали меня. Я рассказал, что видел. Посадили меня в машину, поехали на полигон.

Страшное зрелище увидели мы: валялись обломки самолета, части человеческих тел... Солдаты БАО собрали останки, похоронили в песке. Я нашел дюралевую лопасть винта, нацарапал дату, и этот знак мы поставили на братской могиле.

ОКТАБРЬ–ДЕКАБРЬ 1942 ГОДА, ЯНВАРЬ–МАРТ 1943 ГОДА

Наша жизнь текла как обычно, полеты, полеты. Улетали все новые и новые экипажи. На мои рапорты ответ один: «Все хотят на фронт».

Из писем моих товарищей узнаю о гибели многих радистов. Пришло письмо из Киркинеса, норвежского города. Там на аэродроме базируется один наш полк – летает на помощь конвоям. Конвой – это грузовые корабли,

везущие из Америки продовольствие, оружие, технику, бензин, металлы по принятому конгрессом США «ленд-лизу», закону о передаче СССР военной помощи. Много кораблей потопили немецкие подводные лодки.

Обещанный союзниками второй фронт все откладывался. Солдаты острят, вскрывая ножами мясные консервы: «Откроем второй фронт!»

АПРЕЛЬ 1943 ГОДА

Слухи о том, что мы будем перебазироваться, подтвердились. Начали грузить на платформы имущество, в назначенный день и самолеты стали улетать из Нишана.

Проснувшись однажды рано утром, видим, что вся земля покрылась алыми цветами мака. Вечером их уже не было, только один день цвели. Так цветами-однодневками провожала нас Средняя Азия. Настала очередь улетать и нашему экипажу.

Снова перелетели горы, но не по ущельям Тамерлана, а восточнее. Наш новый аэродром – близ села Каракульское, в 40 километрах от Троицка Челябинской области. Все поле покрывала ярко-зеленая трава по пояс, не те былинки, что были в Нишане. Первое, что мы сделали, так это побежали к колодцу. Сруб колод-

ца внутри оброс слоем льда. А вода – холодная, до чего вкусна!

Для офицеров на опушке березового леса – щитовые домики, для нас – землянки, до половины выступающие из земли. Спать – на нарах. Снова начались полеты. По плану полеты должны проходить ночью, такое упражнение: взлет и посадка в ночное время. Но на этой широте солнце прячется за горизонт на 2–3 часа и все время видно зарево, поэтому это упражнение летчики выполняли по два дня. А ночи такие светлые. Ленинградские белые ночи не идут ни в какое сравнение!

Интересна природа на Южном Урале: как циркулем обведены круглые озера. Их очень много видно сверху. И такие же круглые островки леса, березового или осинового.

МАЙ 1943 ГОДА. ТРОИЦК

Нас на машинах повезли в Троицк, в баню. Все обмундирование стали обрабатывать в парилке. Кто-то забыл спички, парилка загорелась, все сгорело. Выдали новое обмундирование, нет худа без добра!

Уехали на фронт еще три экипажа. Среди них – мой ученик, Резник. Меня опять не пустили. А наши самолеты порядком поизносились, требуют ремонта.

ИЮНЬ 1943 ГОДА. УРАЛЬСК

Утром звено ИЛ-4 поднялось в воздух, взяли курс на юго-запад, и вскоре мы очутились в городе на берегу Урала. В авиационных мастерских их будут дней десять ремонтировать. Жить нам пришлось в гостинице. Спасались от клопов, коих было великое множество, спали на столах, так они залезали на потолок и с него прыгали на спящих!

Вечерами ходили в парк, где выступали эстрадные артисты. Запомнилось выступление Елены Легар, она имитировала игру на гавайской гитаре. И это было так искусно, что мы поверили. Что же она

выделявала голосом! Когда раскрыла футляр от гитары, вытащила из него букет цветов. Но самое знаменательное, это когда пошли на Урал искупаться, а его можно было перейти вброд! На середине реки моя одна нога была в Европе, а другая – в Азии!

Удивительно приветливые люди жили в этом городе, особенно хорошо они относились к нам, прилетевшим с фронта, как они думали. А мы не стали их разочаровывать, ведь все равно, рано или поздно, мы будем все там.

Но вот самолеты отремонтированы, надо улетать.

АВГУСТ 1943 ГОДА. КАРАКУЛЬКИ

В Троицке жило очень много офицерских жен, эвакуированных из воинских гарнизонов. Очень трудно им жилось. Чтобы как-то помочь им перезимовать, командование школы решило обеспечить их дровами. Школа летчиков выделила деньги на порубку леса, отрядили команду из двадцати человек. Меня назначили старшим, выдали продукты сухим пайком, отвезли на делянку, там мы поставили большую палатку.

Готовить пищу хотели по очереди, но был среди нас Карасев, мы звали его просто: «Карась». Ему не хотелось пилить дрова, таскать двухметровые бревна, обрубить сучья. Он вызвался готовить постоянно, а мы обрадовались.

Распорядок дня был такой: подъем в 8:00, зарядка. Карась к этому времени готовил завтрак. Шли на делянку, валили березы, по шаблону резали двухметровки, складировали. Норму, которую нам определило

начальство, к часу дня мы выполняли. Карась звонил в сковороду, мы обедали. Часа четыре спали на солнышке, а потом шли в Каракульки, за 8 километров. Ребят там не было, всех забрала война.

Танцы были до полуночи, надо было идти обратно. В августе уже белых ночей не было, дежурный по «гарнизону» заготавливал ветки и к полуночи разводил костер. На него мы и ориентировались на пути домой.

В ноябре появился ледок в нашем колодце, ночью стало прохладно. За заготовленными дровами стали приезжать машины. И вот нам сообщили, что командировка в лес закончилась. Как не хотелось нам уезжать!

За эти недели мы так поправились, что воротнички на гимнастерках не застегивались, а я должен был доложить начальнику штаба, сколько дров заготови-

ли. Когда я прибыл для доклада, он спросил:

– Старшина, ты откуда?

– Из леса, – удивился я этому вопросу.

– Вижу, что из леса, ступай, пришей подворотничок, застегнись, тогда будешь докладывать!

Вот такая была дисциплина!

ОСЕНЬ, ЗИМА 1943 ГОДА

А мы все летаем, летаем, готовим новые экипажи. Но были и у нас потери. Молодые летчики из одного экипажа познакомились с деревенскими девушками. Перед отлетом на последнем упражнении ночью решили попрощаться со своими знакомыми. Стали летать над деревней

на бреющем полете и... разбились. Вот до чего довело их воздушное лихачество!

Я за это время выпустил пять радистов, среди них был радист по фамилии Резник. Я запомнил его фамилию, так как с ним мне пришлось встретиться уже на фронте.

ВЕСНА 1944 ГОДА

Наши войска погнали немцев далеко на запад, подходили к государственной границе. Командование АДД решило вернуть школу на свое место, на аэродром Дягилево под Рязанью.

Мы сделали прощальный круг над Каракулькой и взяли курс на запад. Должны были лететь по «воздушному коридору», так как надо было не залететь в закрытую зону. Но штурман что-то неправильно рассчитал, и над Сызранью (это город на Волге) попали мы под обстрел нашей зенитной артиллерии. Мы улетели быстро.

В Дягилево уже полным ходом шла подготовка экипажей, заводы в Новосибирске и Комсомольске-на-Амуре наладили серийное производство ИЛ-4. На мой рапорт об отправке на фронт получил очередной отказ. Тогда решил пойти на хитрость, пошел в «самоволку», за что получил 10 суток га-

уптвахты. И надо же так случиться, мой отец был в командировке в Рязани. Зная из моих писем, что я в Дягилево, приехал меня навестить.

На проходной вызвали дежурного по гарнизону. Тот, узнав, что отец приехал навестить сына, не сказал, что я сижу на гауптвахте. Он приказал выдать мне ремень и погоны. (Солдаты, попавшие на «губу», лишаются этих атрибутов). Мне дежурный сказал, что ради приезда бати отпускает меня на весь день.

Мы провели этот день в разговорах, а поговорить было о чем. Отец рассказал о жизни в оккупации, трудностей было немало. А я поведал о жизни в Средней Азии, на Урале. Незаметно проговорился о том, что сижу на «губе». Отец рассмеялся, сказав: «Тот не солдат, кто не сидел на гауптвахте».

Вечером мы простились. Я было пошел на «губу», по дороге

встретил полковника Смороду Исидора Ивановича. Того самого, что дал мне отпуск домой на целый месяц за мою антенну! Он узнал меня, а был он уже инспектором АДД по полетам. Спросил меня, почему я без ремня, за что попал на «губу».

– Желал получить наказание и попасть на фронт! – сказал, что писал несколько раз, но все без результата. Исидор Иванович подвел меня к самолету, вытащил из планшета бумагу, и на стабилизаторе самолета я написал очередной рапорт. Он поговорил со мной, и мы простились.

Наутро меня вызвал начальник штаба полка и спрашивает:

– Кем тебе приходится полковник Сморода?

Я сказал, что это был мой командир эскадрилий в 164 РАП.

– Иди, найди лейтенанта Рыжих, будешь в его экипаже, на гауптвахту не ходи, благодари за это полковника.

Я побежал искать своего нового командира. У него уже был радист, но его забрали в другой экипаж.

Вначале Рыжих настороженно отнесся ко мне. Но мы скоро дружились. Штурманом у Михаила был украинец Федя Клева, стрелком – дагестанец Гаджи Абдусаламов.

В этом экипаже я снова попал на фронт, и день Победы мы встретили большими друзьями. Наша дружба продолжалась и в мирное время.

ИЮНЬ 1944 ГОДА

В это время шла усиленная подготовка экипажей. Много летали ночью. Однажды произошел такой трагический случай. В один экипаж стрелком был назначен Кисель. Чем-то он не подошел, не сдружился с экипажем. Командир попытался от него избавиться, но начальство отказало. И вот, однажды, перед полетом в зону летчик, штурман и радист договорились проверить его выдержку и посмотреть на Киселя в экстремальной ситуации.

Во время полета летчик убрал газ, моторы заработали с выхлопами и перебоями. По СПУ летчик сказал что-то о возникшей аварийной ситуации. Кисель, недолго думая, без приказа выпрыгнул с парашютом. Прилетели, доложили об этом. Наутро послали команду в район зоны полета искать Киселя. Искали три дня, не нашли. Вскоре одна бабушка, из местных жителей, собирая грибы, заметила в кустах парашют. Это в болоте увяз Кисель. Был он уже мертвый.

Случился и с нашим экипажем казус. Ночное упражнение состоя-

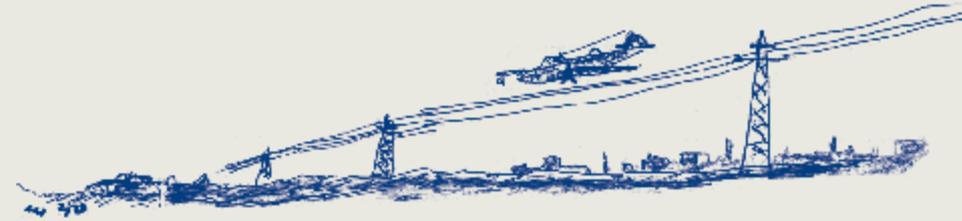
ло в том, что мы должны долететь до Воронежа, над ним сбросить САБ (свещающиеся бомбы на парашюте), а потом вернуться на свой аэродром. Когда настало время сбросить САБ, штурман Федя не открыл створки люка, и бомба зависла. Мы ожидали, что бомба осветит землю, но не дождались. Михаил приказал мне: «Посмотри, что там». Я зажег плафон в бомболюке, а она лежит на створках. По СПУ доложил командиру, а тот: «Вытащи ее и выбрось в люк». Бомба небольшая, 10 килограммов. Я втащил ее в свою кабину и решил отцепить от нее контейнер с парашютом, жалко было, если пропадет пять квадратных метров перкала.

Гаджи, увидев мои манипуляции, закричал по СПУ: «Командир, Сашка парашют вытаскивает!» Конечно, с моей стороны это было глупостью: мало ли что могло произойти. Михаил приказал: «Выбрось скорее!» Но пока я трудился, мы уже подлетали к Рязани. Бомба осветила землю не там, а Феде потом здорово нагорело от командования.

В один из вечеров июля к нашему самолету подошли два майора, командиры третьей и четвертой эскадрильи. Приказали технику самолета: «Готовь самолет, мы поле-

ни нашего аэродрома. Один майор дал мне ракетницу и ящик с ракетами: белыми, зелеными, красными.

– Мы пойдем на аэродром, а ты освещай нам дорогу.

тим в зону». Видимо, им захотелось поупражняться, командиры эскадрильи мало летали. Взлетели, стали разворачиваться по «коробочке» с левым разворотом. Только повернули, моторы стали работать с перебоями, а потом и вовсе заглохли. Высота – метров сто, под нами – го-

Я сел верхом на фюзеляж и выпустил три десятка ракет в воздух.

Когда вскорости стало светать, я слез с фюзеляжа и оказался на гороховом поле. Стручки были еще зеленые, сладкие. Набрал охапку гороха, сунул в кабину, угощу своих друзей.

род. Кое-как довернули влево, в сторону полей. Включили фару, но она погасла, «сели» изношенные аккумуляторы.

Летим без моторов, планируем. Я вспомнил полет 24 июля 1941 года...

Встал в турели, готовясь пригнуться, когда самолет коснется земли, я увидел, что промелькнуло что-то светящееся. Самолет коснулся «брюхом» земли, поднялся грохот, а потом все стихло. Мы вылезли из кабины.

Приземлились мы на гороховом поле, в стороне светились ог-

Но меня все время мучил вопрос, что же сверкнуло под нами, когда мы снижались? Самолет прополз по гороху, оставив широкий след в виде борозды. Этот след начинался в метрах 8-10 от высоковольтной линии электропередач. Если бы пролетели над этой линией немного ниже, 220 000 вольт!!!

К полдню приехали техники поднимать самолет на шасси и отбуксировали на аэродром. Я сказал майору:

– Пройдемте по следу, посмотрите, как нам повезло.

Рязань, 1 ВШШЛ АДД перед отправкой на фронт. 1943
На обороте фотографии подпись: 1-я РВОШНЕ ААД
летчик мл. л-т Михаил Рыжих
штурман мл. л-т Федя Клева
стр. радист ст. с-т Александр Глотов
стрелок ст. с-т Гаджи Абдусаламов
15 августа 1944 года ст. Дягилево. Рязань

ИЮЛЬ 1944 ГОДА. ДЯГИЛЕВО

Мы, девять экипажей, закончили учебу в первой ВШШЛ.

Нас сфотографировали экипажами, каждого в отдельности. Эти фотографии в свое время сделают свое дело.

Штурманов отвезли в Москву, а нас погрузили в ЛИ-2, транспортный самолет, и повезли на запад, под Смоленск, в Шаталово на одну из баз АДД. Летели низко – над землей болтанка особенно сильна для тихоходного самолета.

Почти всех летчиков тошнило, а мы себя хорошо чувствовали. Объяснить это легко. Летчик сидит в центре тяжести самолета, а мы – стрелки – в хвосте. Нас так мотает в полете, что к этому надо привыкнуть. И мы привыкли, а над своими командирами подшучивали.

Переночевали в поле. На другой день повезли нас уже на территорию Западной Беларуси в местечко Щучин, на 40 километров восточнее Гродно.

АВГУСТ 1944 ГОДА. ЩУЧИН

Я теперь гвардии старшина в 28 Смоленско-Берлинском авиаполку авиации дальнего действия. Наконец я снова на фронте. Правда, фронтом можно назвать условно, мы от действительной линии фронта находимся на расстоянии 300-400 километров.

Прилетели наши штурманы. В первый боевой вылет их посадили в кабину со «стариками» – уже летавшими на бомбежку ночью.

Нас, радистов, тоже посадили к «старикам». Одним из них оказался Резник, тот самый, которого я обучал еще в Нишане. Как быстро на войне становятся «стариками»! Пришлось и мне подучиться особенностям ночных полетов. А нужно радисту делать так.

Взлетели. У меня свой позывной, вернее, у моего самолета. Надо установить связь. При подлете к рубежу (а им почти всегда была река Неман) дать радиogramму об этом специальным кодом.

Включить приемник на волну наземной радиации и все время слушать, стоя в колпаке турели и оглядываясь во все стороны.

Отбомбившись, самолет ложится на обратный курс. Включить передатчик: «Все в порядке, прошел Неман».

Все это надо отразить в бортижурнале и слушать, слушать наземную радиацию, которая может передать циркуляр для всех самолетов полка. В ночном небе ходят «охотники», немецкие асы, которые подкарауливают садящиеся на аэродром самолеты, освещенные светом посадочного прожектора. В этом случае надо уходить в зону ожидания.

Мы летаем на бомбежку только ночью. Цель: группировки немцев на Западном фронте, в основном порты на Балтике.

Где-то в начале зимы привезли особые бомбы, подвесили в бомболокы. Но взмыла красная ракета, вылет отменили. Дня через два – снова подвесили. Баки заправили бензином под пробку, прогрели моторы, начали взлетать поодиночке. Мы так все время летаем: взлет с интервалом 2-5 минут.

Штурман говорит: «Летим на Будапешт!» До взлета об этом знали только офицеры.

Мерно гудят моторы. Стало холодно. Посмотрел на высотомер: 5000 метров. Штурман докладывает, что пролетаем Карпаты. Летим более трех часов, внизу лента широкой реки, это – Дунай. Внизу море огней, нас в Будапеште не ждали.

Над городом ярко-синяя вспышка, это самолет-фотограф сбросил фотобомбу, надо заснять

обстановку перед началом работы. Затем он уходит в сторону. Над городом самолеты-осветители сбрасывают САБ. Те медленно опускаются на город, освещая бледно-синим светом городские кварталы, видны следы разорвавшихся зенитных снарядов. Огни города разом гаснут, то ли в электростанцию попали бомбы, то ли венгры отключили свет.

В самолете подуло ветром, это открылись створки бомболок, затем серия из десяти щелчков, это срабатывают пиропатроны бомбосбрасывателей. Смотрю на землю, но город весь в разрывах. Где, что и кто, не разберешь.

Разворачиваемся домой. Пробыли в воздухе семь часов сорок минут.

Фотограф снимает результаты и уходит последним.

На другой день Венгрия капитулировала.

В полете в этот раз участвовала вся АДД, несколько сот самолетов.

Холодно даже в меховых комбинезонах и унтах.

Мы сидим возле самолетов. Ждем ракету. Зеленая – взлетай, красная – отбой.

Уже начало смеркаться. Послышался непривычный гул самолетных моторов. Вскоре над аэродромом появился громадный четырехмоторный самолет. Сделав круг, пошел на посадку, вслед за ним сел транспортный самолет ЛИ-2 (по американской лицензии делали на наших заводах, СИ-47 или Дуглас). ЛИ-2 этот в нашем полку служил как грузовой. Из этого самолета выскочили тринадцать человек, одетых кто во что горазд: легкие курточки, шапочки. Стали прыгать и махать руками, видно хорошо промерзли.

Я для сравнения изобразил наш ИЛ-4 и Б-19 – американский бомбардировщик, который прозвали

«летающей крепостью». Как он к нам залетел, я расскажу чуть позже.

А сейчас дам ему краткую характеристику по вооружению: на нем было установлено шесть башен со спаренными крупнокалиберными пулеметами. В бомболоках могло разместиться от 50 до 100 стокилограммовых бомб.

Экипаж – 12 человек: «навигейтор», командир по-нашему, штурман, два летчика, бортинженер, радист, семь стрелков. Максимальная высота полета – 15 000 футов. Самолет герметизирован, внутри отделан зеленой тканью.

У каждого члена экипажа есть индивидуальный кислородный баллон.

Поверх одежды можно было надеть латы как у рыцарей.

Выскочили американские летчики в легкой одежде. Одеты не по

Александр Готов.
1940-е годы

форме, а кто в чем. У одного на голове даже жокейская шапочка, я повторяюсь в описании их одежды потому, что как позже выяснилось, посадка американского самолета была инсценирована, им надо было вывезти из Польши одного члена эмигрантского правительства, возглавляемого Николайчиком. А правительство это находилось в Лондоне. Но об этом мы узнали позже.

А пока янки прыгали, пытаясь согреться, подъехал к самолету виллис командира полка, генерал-майора Серафима Кирилловича Бирюкова, и увез их в штабную землянку. По-английски никто в полку не говорил, и зачем они сели на нашем аэродроме в городе Щучин, мы узнали потом от командира ЛИ-2 капитана Березы.

Во время второй фронт союзниками еще не был открыт, но английские и американские самолеты производили «ковровую» бомбежку немецкой территории. «Ковровую», это когда сотни самолетов не прицельно, с высоты 5000–6000 метров бросали тысячи тонн бомб.

Затем самолеты летели в Полтаву, там отдыхали, заправлялись, загружались бомбами и возвращались в Англию, снова сбрасывая на немцев бомбы. Это называлось «челночная операция».

Наши наземные войска уже находились на территории Польши, а бомбардировочной авиации приходилось летать далеко, поэтому командование АДД решило перебазировать полки в Польшу. На-

шему полку предстояло перелететь в польский городок Радзиль.

В Радзине до нас был полевой немецкий аэродром, вот на него и летал Береза, перевозил на своем самолете авиационное имущество. Он сделал уже несколько рейсов и приметил среди жителей одного поляка. В один из рейсов увидел на аэродроме «летающую крепость». Они сели якобы потому, что один из четырех моторов был поврежден.

Возможно, это так и было. Чтобы взлететь такой громадине на трех моторах, решили снять вооружение, боекомплект, часть экипажа и погрузить на ЛИ-2.

Вот так и очутился американец на нашем аэродроме в Щучине.

Чтобы американцы не улетели, к самолету подцепили катки, трактор, а самих летчиков поместили в одной из комнат роскошного панского дома, вернее, дворца, где мы жили.

Так вот, Береза увидел среди американцев поляка.

СМЕРШ не дремал, за американцами установили тайное наблюдение, а о том, что делать с самолетом, должна была решать Москва.

Поляк, видя, что его полет в Лондон не получается, попытался ночью сбежать, выпрыгнул в окно, а под окном особист ранил его. Из больницы тоже хотел сбежать, и опять его ранили. Словом, этот скандал дал повод интернировать американцев, а самолет конфисковали, сняли с него чертежи... А у нас позже появился стратегический бомбардировщик ТУ, очень похожий на Б-19.

Интересны нравы и обычаи американцев, мы рядом с ними прожили более месяца. Познакомились, даже стали немного понимать друг друга. Они охотно показывали свой самолет, для нас эта техника была откровением. Но вначале они разбили молотками свой прицел для бомбометания. Он был в рост человека.

У нас у всех было личное оружие, пистолеты ТТ, а у них на все двенадцать человек – один маленький браунинг, у навигатора-командира. Зато у каждого был шелковый платок, на котором было напечатано на немецком, русском, английском языке следующее послание: «Я – летчик военно-воздушного флота US, попал в сложную ситуацию, прошу оказать помощь. Правительство США будет благодарно за оказанную помощь». Вот так.

Никто из них не собирался отстреливаться в подобной нашей ситуации. Американцы были раскованы, общительны. Когда мы ночью улетали на бомбежку, они провожали нас. Мы летали часа 3-4, они не спали, ждали нас, считали экипажи по пальцам. «О'кей, о'кей!» – встречали они нас.

После вылета нам положено сто граммов водки. Мы не то ужинали, не то завтракали в 3-4 часа утра. К ста граммам ухитрились слить из бачки спирт против обледенения. Как-то я пригласил своего знакомого инженера самолета к нам за столик. Мы решили его угостить. Он выпил, сразу окосел, но вскоре и они научились выпивать. Каждую неделю гостям выдавали новое нагельное и спальное белье, они его стали менять у местных жителей на «бимбер», польский самогон.

Однажды к нам приехала бригада фронтовых артистов. Концерт начался после возвращения экипажей с задания. Мы в унтах, меховых комбинезонах на полу огромного зала расположились слушать артистов. Американцы слушали вместе с нами.

После выступления Клавдии Шульженко американцы стали громко свистать. Мы были в недоумении, знаменитая артистка пела великолепно, а тут ее «освистали». Оказывается, свист – это наивысшая похвала в Америке.

ДЕКАБРЬ 1944 ГОДА. ЩУЧИН

Настало время перелетать в Польшу. «Летающую крепость» отправили в Москву. Экипаж за то, что они хотели увезти польского шпиона, интернировали до конца войны. Из Одессы морем отправили в Англию, таковы были слухи.

Польский городок Радзень находится на половине пути между Варшавой и нашим Брестом, знаменитой Брестской крепостью. Радзень – это одно из многих поместий знаменитого рода Радзивиллов, богатейших магнатов панской Польши. На его окраине расположен замок, полуразрушенный войной. Что нас поразило в первые дни пребывания, так это обилие склепов. По-нашему склеп – это фамильное захоронение, а у панов – маленькая лавчонка, где можно купить все что угодно. И этих склепов полно почти в каждом доме на главной (и единственной) улице города. Вот в один из таких склепов мы, трое стрелков-радивистов, зашли. В углу за столиком сидело четверо «панов». Перед ними стояла маленькая бутылочка с «бимбером», польским самогонном. Когда мы зашли, паны приветствовали нас: «Хай живет Речь Посполита!» и потянули бимбер из крошечных рюмочек. Мой друг Коля Пасечник спросил хозяина склепа: «Пан, бимбер хороший?» «Да, хороший!» – и принес четвертушку этой выпивки. Коля и говорит пану: «Что ты принес? Неси большую бутылку!»

Паны перестали беседовать, устали на нас, ожидая, что будет. Пасечник разлил бимбер в стаканы. Мы сразу выпили, закусили вкусной колбасой. Паны вытирали глаза. Один из них стукнул по столу кулаком: «Эх, пшиско ведно, война!» – и потребовал у хозяина еще четвертинку. Вот так мы в первый день познакомились с нравами панов.

Нас удивляли ухоженные дороги, обсаженные деревьями, на всех перекрестках дорог кресты с распятием Христа или скульптура Матки Боски – Божией Матери.

В 10 километрах от города располагался наш аэродром. Вскоре подвезли бензин, бомбы и мы начали летать на задание в Восточную Пруссию. К этому времени наши войска подошли вплотную к границам Рейха – Германии.

В моей летной книжке записаны названия целей. Это портовые города на побережье Балтийского моря: Либава, Кенигсберг, Кулдага, Гдыня. Летали, как обычно, ночью. Я опишу лишь один такой полет, они мало чем отличались друг от друга.

Взлетали часов в 11–12 ночи с интервалом в 3–5 мин. В один конец надо лететь 500–600 км. При крейсерской скорости 280–300 км в час это 4–5 часов полета. Пройдя рубеж в районе фронтовой полосы, редкие огни, иногда в свете пожаров – дымные облака. Впереди по курсу – зарево пожаров, лучи прожекторов мечутся по небу. Разрывы зенитных снарядов. Вот в перекрестии 3-4-х прожекторов попадает самолет, и после этого в пламени взрывов на землю падают лишь его обломки. Штурман передает летчику: «Курс – 75°, высота – 900 метров». Это он настраивает прицел на бомбометание. Пока он не сбросит бомбы, летчик не может изменить ни курс, ни скорость, ни высоту.

Открываются створки бомболюка, в самолете – сквозняк, волна воздуха врывается в кабину. Слышна серия из 10 хлопков, это срабатывают пиропатроны бомбосбрасывателей. Самолет вздрагивает, освобождаясь от груза. Летчик круто разворачивает самолет вправо, мы ложимся на обратный курс. Где-то в 3–4 часа утра садимся. Завтраком, принимаем по 100 грамм «наркомовских», идем спать. Но иногда бывает и по-иному.

Я спросил у Феде, нашего штурмана, куда сегодня полетим. «Летим на Клайпеду – там большое количество немецких войск ожидает посадку на корабли, они отрезаны от суши, немецкие моряки будут вывозить войска на кораблях». Обычно Федя не рассказывал о заданиях, но на этот раз разговорился.

Оружейники подвесили в бомболюках 10 «соток», а на наружной подвеске – три 250-килограммовых бомбы. Это в сумме 1750 килограммов взрывчатки. Как обычно взлетели, я установил связь с землей.

В наушниках шлемофона – треск, писк морзянки – помех было очень много. Пролетели более половины пути – впереди море огня, очень много разрывов зениток. Сквозь помехи слабый писк морзянки: ---...---... --- – это «циркулярная» радиogramма для всех самолетов полка.

Очень четко наземный радист передает открытым текстом: «Заходите на цель со стороны моря! Заходите на цель со стороны моря!»

Включаю СПУ на штурмана и командира, докладываю о радиogramме. Они ругаются, у нас нет никаких плавательных средств. Миша разворачивает самолет вправо, летим в сторону Ленинграда. Под нами море, в нем как в зеркале отражаются звезды.

Вскоре впереди показываются огни, видны взрывы зенитных снарядов. В порту много военных кораблей – их хорошо видно на фоне темного моря, они открывают по нашим самолетам огонь, и по интенсивности этот огонь превосходит наземные зенитные установки, все небо в беспрерывных разрывах.

Видимо, наше начальство надеялось на то, что заход на цель с моря окажется безопаснее. Командир принимает решение – перейти

в крутое планирование, мы быстро снижаемся, вот уже и цель. Штурман сбрасывает бомбы, на земле все в огне взрывов. Зенитный огонь на высоте 500–600 метров мало эффективен, на большой скорости мы уходим. Вдруг наш самолет попал в луч мощного прожектора. Чтобы от слепящего глаза прожектора не потерять ориентацию в пространстве, командир натягивает на кабину черную штору, ведет самолет по приборам.

Мне прожектор тоже слепит глаза. Самолет, освещенный лучом прожектора, – идеальная мишень для истребителя, он может подойти в упор и расстрелять нас. Да и для зениток мы – идеальная мишень. Я, поворачивая турель с крупнокалиберным пулеметом Березина, калибр 12,7 мм, направляю на прожектор жму на гашетку. От длинной очереди по самолету раздается мощная барабанная дробь: «бу–бу–бу–бу–бу». Для Михаила эта моя стрельба неожиданна, он ругается, но вдруг свет прожектора погас.

Мы летим на высоте около 300 метров, видимо очередь моего пулемета или повредила прожектор, или распугала его расчет. Но факт остается фактом, прожектор погас, и мы благополучно долетели до аэродрома.

На мой запрос о разрешении посадки земля ответила радиogramмой: «Аэродром закрыт, идите в зону ожидания». Минут двадцать прошло, пока я получил радиogramму, разрешающую посадку.

Мы сели, зарулили на свою стоянку. От техника узнали, что немецкий истребитель ходил в облаках, и когда наш очередной самолет садился, освещенный светом посадочного прожектора, сбил его почти над самой землей. Вот почему мы так долго ходили в зоне, пока немец, израсходовав горячее, не улетел.

Меня вызвали в штаб, спросили, почему я стрелял. Я объяснил. Ругать не ругали, но и не похвалили, очевидно, не поверили, но в ленте не досчитались 25 патронов, которые списали.

А между тем война шла к концу.

АПРЕЛЬ 1945 ГОДА

Наши наземные войска подошли вплотную к укрепленному району на Зееловских высотах, защищавшему подходы к Берлину. В известной киноэпопее «Освобождение» есть такой эпизод. Накануне генерального штурма Жуков собрал совещание генералов, руководящих войсками.

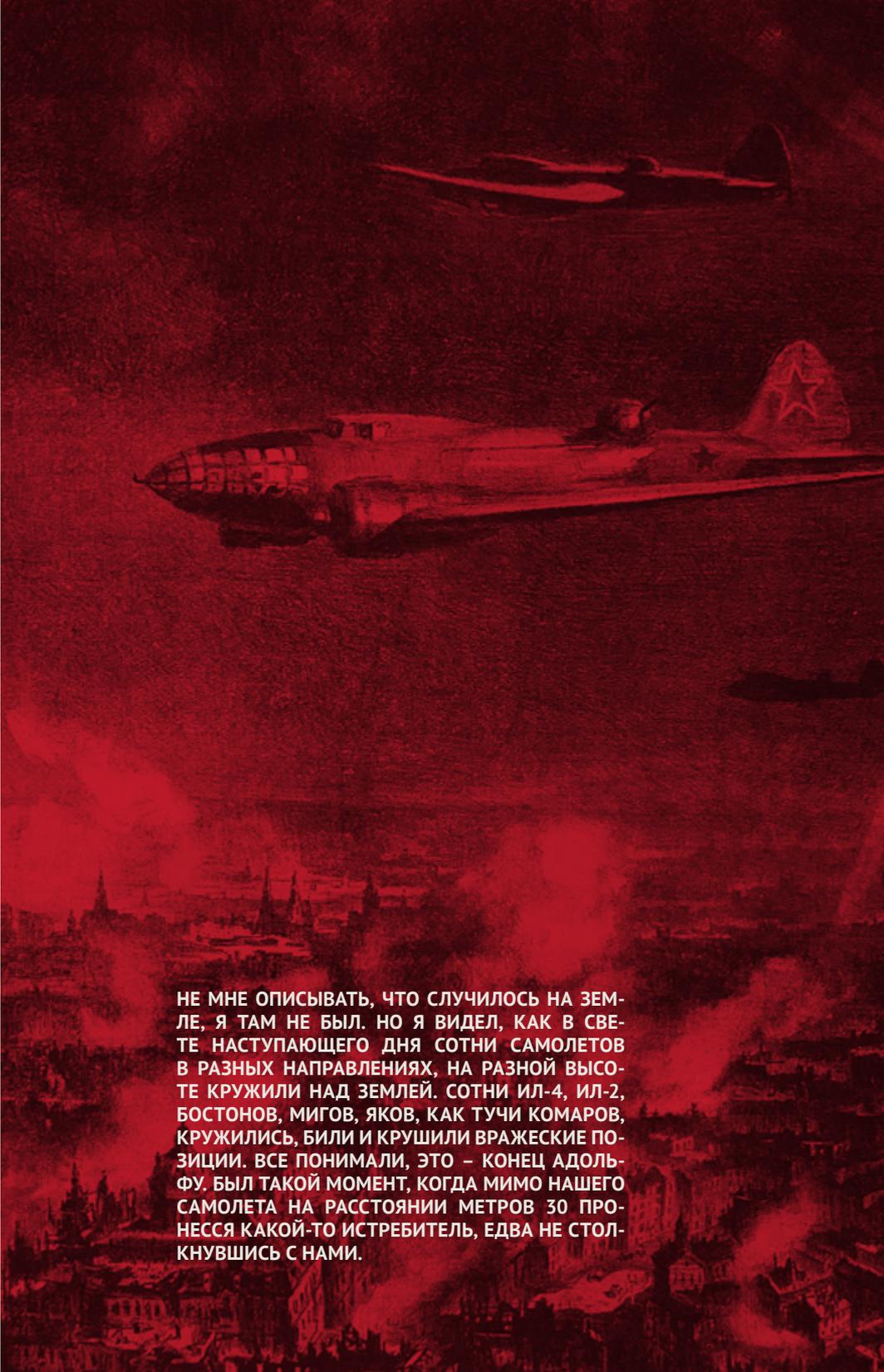
Он предложил такой план: на участке прорыва шириной 3 километра сосредоточить несколько тысяч орудий разного калибра, установить 150 зенитных прожекторов, сконцентрировать для воздушного удара несколько сот самолетов и на рассвете начать генеральный штурм. Некоторые генералы были против этого плана. Тогда Жуков прервал совещание и приказал вечером всем собраться на одном из КП, командных пунктов.

Когда стемнело, генералы стали у амбразур. Вдруг им в глаза ударил свет одного прожектора, и скепсис генералов враз пропал. О том, как свет прожектора слепит глаза, я узнал пораньше генералов.

У нас на аэродроме большое оживление. Почти все исправные самолеты подготовили к вылету, а это почти сорок бомбардировщиков.

На наши вопросы начальник связи сказал: «Связь с землей не устанавливайте, работайте только на прием». Когда смерклось, один за другим самолеты поднялись в воздух. Но не как раньше выходили на цель, а кружились в стороне. Летали долго, минут сорок, пока в наушниках не раздалось долгожданное: 777...777...777, потом шифровка, несколько групп цифр. Я в кодовой таблице этих цифр не нашел, а передал их штурману.

В шлемофоне голос Феде: «Миша, высота ___ эшелон ___ скорость ___». Это Федя расшифровал радиограмму и доложил о ней летчику. На земле было еще темно, когда вдруг синий ослепляющий свет прожекторов осветил позицию немцев. В их сторону полетели тысячи артиллерийских и реактивных снарядов «катюш», покрыв позиции врага разрывами, да и наши бомбы сделали свое дело. Вот в каком финальном спектакле пришлось участвовать нашему экипажу.

НЕ МНЕ ОПИСЫВАТЬ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ЗЕМЛЕ, Я ТАМ НЕ БЫЛ. НО Я ВИДЕЛ, КАК В СВЕТЕ НАСТУПАЮЩЕГО ДНЯ СОТНИ САМОЛЕТОВ В РАЗНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ, НА РАЗНОЙ ВЫСОТЕ КРУЖИЛИ НАД ЗЕМЛЕЙ. СОТНИ ИЛ-4, ИЛ-2, БОСТОНОВ, МИГОВ, ЯКОВ, КАК ТУЧИ КОМАРОВ, КРУЖИЛИСЬ, БИЛИ И КРУШИЛИ ВРАЖЕСКИЕ ПОЗИЦИИ. ВСЕ ПОНИМАЛИ, ЭТО – КОНЕЦ АДЛЬФУ. БЫЛ ТАКОЙ МОМЕНТ, КОГДА МИМО НАШЕГО САМОЛЕТА НА РАССТОЯНИИ МЕТРОВ 30 ПРОНЕССЯ КАКОЙ-ТО ИСТРЕБИТЕЛЬ, ЕДВА НЕ СТОЛКНУВШИСЬ С НАМИ.

8 МАЯ 1945 ГОДА

Вечером к нашему самолету подошел командир нашего 27 Смоленско-Берлинского Краснознаменного полка генерал-майор Серафим Кириллович Бирюков.

Технику Иванцу приказал готовить самолет. Мне сказал, чтобы связь не устанавливал, а слушал Москву. В пилотскую кабину сел лейтенант Бирюков, а генерал – в штурманскую. Взлетели, я включил приемник на Москву.

Около полуночи музыка в шлемофоне прекратилась, и раздался голос Левитана, диктора Всесоюзного радио, которого Адольф также считал своим личным врагом и обещал повесить на фонарном столбе в Москве, так как Юрий Левитан постоянно досаждал ему, передавая сводки с фронтов после 1943 года.

00:00 8 МАЯ 1945 ГОДА

Вдруг сквозь писк морзянки, треск разрядов я услышал: «Внимание, говорят все радиостанции Советского Союза! Сегодня фашистская Германия капитулировала!»

Я включил СПУ на летчика. Генерал Бирюков приказал лейтенанту посадить самолет. На выходе из крутого виража мы быстро сели на аэродром. Так закончилась для меня война, мы первые из всего полка узнали об этом.

Много лет спустя я случайно увидел по телевизору своего генерала. Написал на телевидение с просьбой выслать мне его адрес. Вскоре получил ответ. Написал ему письмо, напомнил тот майский день. От него получил подробное письмо.

12 МАЯ 1945 ГОДА. ДЕНЬ

Но не вся Германия капитулировала, в осажденном нашими войсками Кенигсберге немецкая группировка не хотела сдаваться.

На аэродром подвезли несколько авиационных бомб весом в тонну. Подвесили их на наружную подвеску, нам приказали находить-

ся у самолетов. Так в ожидании прошло несколько часов. Вдруг в небо взвились зеленые ракеты, это значит «Отбой». Оказывается, гарнизон крепости Кенигсберг все-таки капитулировал. Иначе на город и крепость Кенигсберг снова посыпались бы наши бомбы.

ЛЕТО 1945 ГОДА

Мы все еще в Польше, иногда летаем, но мало. Стали постепенно демобилизоваться стрелки, нас, радистов, не отпускали. Бирюков созвал нас и предложил остаться на сверхсрочную службу, обещал офи-

церское обмундирование, офицерский оклад. Но мы не соглашались. По Указу правительства нас должны демобилизовать, но был секретный указ задержать, чтобы не разукомплектовывать экипажи.

АВГУСТ 1945 ГОДА. РАДЗИНЬ

Я бродил по парку, в котором находились развалины средневекового замка князей Радзивиллов. В густом кустарнике обнаружил вход в подземелье. При свете фонарика увидел дубовую открытую дверь, за ней галерею, облицованную кирпичом. Галерея шириной в два метра, со сводчатым потолком. По компасу определил направление. Галерея раздваивалась: один ход шел от замка в лес, а другой – в костел. Это я выяснил по компасу, когда вышел на поверхность. Я пошел по направлению в костел и вблизи его встретил одетого в черную рясу высокого красивого ксендза. Поравнявшись с ним, я невольно взял руку под козырек, будто это был какой-то генерал. Повторяю, моя рука сама поднялась в приветствии. Ксендз улыбнулся и остановился возле меня. Я решил задать ему вопрос, чей это замок,

почему от него идут подземные ходы. На чистом русском языке он объяснил мне, что в средневековые времена при частых войнах и ссорах князей польских, нападениях врагов мирное население находило убежище в костеле, а осажденные могли по другому ходу, который был протяженностью 3 километра, уходить в лес и с тыла нападать на осаждавших врагов.

Я его поблагодарил, он меня перекрестил.

Вот такая история произошла со мной в польском городе Радзине летом 1945 года.

Прошел почти год, как закончилась война, а мы еще были в Польше. Сталин не доверял союзникам. Сухопутные войска уходили домой, а мы оставались в Европе. Но шли слухи, что скоро и мы полетим на Родину.

А.А. Дейнека.
У Рейхстага. Из берлинских зарисовок. 1945

24 ИЮЛЯ 2002 ГОДА

Сегодня исполнилось 60 лет, как наш самолет ИЛ-4ф немецкими зенитками был сбит над землей Советской Украины. Сейчас Украина – это уже другое государство, ближее зарубежье.

Из всего нашего экипажа остался в живых я один.
Саша Смирнов погиб, летая на штурмовике ИЛ-2.
Анатолий Булавка умер в Кременчуге.
Михаил – стрелок сгинул еще в 1943 году.
А я продолжаю свой рассказ.

АВГУСТ 1946 ГОДА

Наш гвардейский, ордена Красного Знамени, 27-й Смоленско-Берлинский полк перелетел в город Новозыбков.

КОНЕЦ АВГУСТА 1946 ГОДА

Командир полка генерал Бирюков созвал радистов в свой кабинет и опять предложил остаться на сверхсрочную службу. Большинство из нас решили демобилизоваться, я – тоже.

На вокзал в Новозыбкове пришли меня провожать все радисты. Билет до Курска, приобретенный по воинскому требованию, был бесполезен, все вагоны забиты людьми до отказа. Меня и мой чемодан погрузили в вагон через окно. Вот так тогда ездили.

Доехал я до Орла, нужно было ждать поезд до Курска.

Пришел поезд – та же картина. Казалось, вся Россия стала ездить, все было забито людьми. Сестра на крышу или в тамбур – невозможно. Железнодорожная милиция свирепствовала, за мной по пятам ходил какой-то долговязый милиционер. Когда он отвернулся, я вскочил в «теплушку», так назывались тогда грузовые вагоны. Милиционер все бегал кругами, меня, наверное, разыскивал. Как только на соседнем пути стал набирать скорость паровоз, я выскочил из «теплушки» и забрался на площадку паровоза, на эту же площадку вскочил старшина артиллерист, его тоже гоняли. Поздно увидел нас долговязый, стал свистеть, но паровоз набирал скорость. В то время не было электричек и тепловозов, были паровозы, в движение их приводила паровая машина, прообразом которой был локомотив Стефенсона, изобретенный в Англии.

Мы со старшиной летели вперед паровоза в мирную жизнь и пели во все горло: «Наш паровоз вперед летит, в коммуне остановка! Иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка!»

Это была песня революции 1917 года.

Так мы проехали до станции Поныри, где надо было залить воду в тендер. Когда мы забирались на площадку паровоза, машинист видел нас, но не прогнал, учитывая наши бесполезные попытки уехать законным путем. В Понрях он сказал нам: «Ну, теперь, ребята, идите, садитесь в тамбур вагона».

Вскоре показался Курск. Я с волнением ожидал этого момента – ведь последний раз я был в своем городе в 1941 году, когда пришел домой босиком.

О демобилизации я домой не сообщал, все было неожиданно. Как медленно тащился трамвай везший, меня домой! Отец, мать, сестра, соседи, знакомые радостно встретили меня. И сразу встал вопрос: «А что делать дальше?»

Семь лет прошло, как окончил я школу, казалось все позабыто. Хотел идти устраиваться на завод, но отец сохранил мою справку, выданную в Николаевском кораблестроительном институте, и настаивал на продолжении учебы в институте. Но НКИ был эвакуирован во Владивосток, ехать туда было нереально.

СЕНТЯБРЬ 1946 ГОДА

Я брожу по Москве, ищу куда поступить, меня везде берут, но без общежития.

Два дня я жил, ночуя на вокзале, уехать в Курск не смог, строгие порядки были тогда в южном направлении. Ехали и «мешочники», прообраз нынешних «челноков».

Решил, что смогу уехать только через Брянск. Одет я был в штатский костюм, но в рюкзаке была гимнастерка и брюки. Я переоделся в форму, удалось сесть в тамбур. Но ночью стало уже холодно.

Со мной ехал еще один солдат. Под пассажирскими вагонами были какие-то ящики. Мы забрались туда, но было жестко ехать в них.

На одной остановке мы наломали тополиных веток, стало легче. Утром приехали в Новозыбков. Моя шевиотовая гимнастерка и брюки все были зеленые от сока тополиных листьев.

Вокзал был вблизи нашего аэродрома. Я подошел к своему самолету. Техник Иванец сказал мне: «Раздевайся!» Сам налил из бака самолета ведро авиационного бен-

зина, окунул в него два раза гимнастерку, и от тополиной смолы следа не осталось. Пока мы с ним поговорили о том, как живется на гражданке, гимнастерка высохла, стала лучше новой!

В гарнизоне друзья мои стали подробно расспрашивать. Всех интересовала мирная жизнь. А она была тяжелой, по карточкам выдавали хлеб и другие продукты.

Когда мы были еще в Польше, видели, как из Союза шли эшелоны с зерном в Европу, а под окнами нашей столовой голодные дети просили кусочек хлеба.

Меня увидел генерал Бирюков, удивился. Говорит:

– Ну что, Готов, передумал? Решил остаться?

– Нет, товарищ генерал, это я проездом, решил навестить своих товарищей.

И рассказал, каким ветром меня занесло. Генерал приказал накормить меня и выдать литер на поезд. Я переночевал в казарме, утром простился с товарищами и поехал домой, в Курск.

СЕНТЯБРЬ 1946 ГОДА

С учебой в Москве не получилось. На совете семьи решили, что надо ехать в Харьков. У моего отца были знакомые в Харькове, там можно было на некоторое время остановиться. Я шел по проспекту Сталина (раньше, а теперь он называется Московский).

У старинного красивого здания висело объявление: «Харьковский институт механизации и электрификации сельского хозяйства продолжает прием студентов». В приемной сидел секретарь Горенко Матвей Иванович. Я показал ему свою справку. Недолго думая он сказал: «Ты зачислен студентом. Иди в общежитие, твоя койка номер один».

А.А. Дейнека.
Рисунок к картине
«Окраина Москвы». 1941

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Однажды я прочитал в газете письмо-обращение к рядовым солдатам Великой Отечественной войны. Письмо написал Иван Плешаков из села Стелное Саратовской области. Меня удивило это письмо и обрадовало, что есть еще молодые люди, которых интересует реальная история той войны и которые собирают воспоминания непосредственных участников боев. Мемуары о войне писали многие военные начальники, видевшие войну в стереотрубу из командирского блиндажа, руководившие операциями в масштабе армейских корпусов, армий и фронтов. Но все же победу в войне одержали не только они, но и простые солдаты. Об этом и просил написать И. Плешаков. Его беспокоило, что из жизни уходят последние участники тех сражений. Я написал ему о нескольких эпизодах, свидетелем и участником которых был. Но потом пришел к выводу, что стоит написать более подробно о том времени.

Я вспоминаю о тех годах, о своих товарищах, о тех, с кем порой мимолетно свела меня война. Как в той замечательной песне: «Где же вы теперь, друзья-однополчане, боевые спутники мои?»

Летом 1962 года я решил посетить памятные для меня по событиям лета 1941 года места. К этому времени у меня уже был автомобиль «Москвич 403». С собой я взял фронтовой альбом. Путь мой пролегал по такому маршруту: Курск – Глухов – Нежин – Киев – Белоцерковский район – хутор Однорог.

Прошло более двух десятков лет с тех пор, как был сбит наш самолет. Но я без труда нашел место, где летчик Саша Смирнов посадил горящую машину...

Войдя в хутор, я нашел хату семьи Ошейко. Ориентиром мне

послужила старая развесистая груша, под которой мы – летчик Саша Смирнов, штурман Анатолий Булавко, стрелок Миша Богомолов и я – провели тревожную ночь 23 июля 41 года. Около дома меня встретили Анна Григорьевна Ошейко и ее дочь Мария. Мы обнялись. Анна сказала: «Моего мужа Ивана немцы угнали в Николаевскую область на каменоломни, где он и умер». В ее поведении не было и тени упрека, хотя в гибели ее мужа виноваты в какой-то степени были и мы: кто-то из односельчан донес немцам, что он укрыл летчиков, нарушив строжайшие распоряжения оккупантов.

Слух о моем приезде быстро облетел хутор. Пришло несколько женщин и мужчин. Мы разговорились. Одна женщина средних лет спросила: «Это вы в нашем саду рвали черешню и нашли в картошке своего товарища?» А другой мужчина говорит: «Помните, как я принес вам гражданскую одежду?» Я ответил: «Ну да, хорошо помню, как за свои хромовые сапоги получил старые башмаки, да к тому же маленькие, и мне пришлось идти босиком до самого Канева». Слушая наш разговор, все дружно смеялись. Беседа наша оживленно продолжилась за накрытым столом. Я достал свой альбом с фотографиями. Анна Григорьевна сказала: «А меня ведь вызывали в военкомат Белой Церкви...» Это было летом 1943 года. Ей показали несколько фотографий. Анна указала на одну, где был изображен я. Потом она рассказала, что приезжал Булавко за своим орденом Красной Звезды, который они с мужем тогда замуровали в стенке возле двери в хате.

От Анны я узнал, что Анатолий Булавко живет в Кременчуге. На другой день я простился с нашими спасителями и поехал искать штур-

мана. Вспоминая по дороге рассказ Анны о том, как ее вызывали в военкомат, вспомнил и другое – как летом 43-го меня вызывали на трехчасовой допрос к уполномоченному особого отдела капитану Мелик-Пашаеву. И как полмесяца жил в ожидании неизвестно чего в гостинице. Оказывается, за эти две недели капитаном был сделан запрос в отдел кадров нашей школы, затем моя фотография была направлена в военкомат города Белая Церковь, куда была вызвана Анна Григорьевна для опознания...

Пока вспоминал былое, приехал в Кременчуг. Зашел в райком партии и у секретаря райкома спросил, как мне найти Анатолия Игнатьевича Булавко. Секретарь спросил, зачем он мне нужен. Тогда он куда-то позвонил и сказал, что Булавко работает военпредом на заводе дорожных машин. Приехав на этот завод, зашел в партком. Женщина – секретарь парткома – спросила: «Так это вы ищете Булавку? Он сейчас придет, а вы пока зайдите в соседнюю комнату». Вскоре появился мой штурман. Мы обнялись. Наша встреча произошла 20 лет спустя.

Два дня я гостил у штурмана. Мы вспоминали своих друзей-однополчан. От Анатолия я узнал подробности о судьбе нашего командира экипажа – Александра Смирнова. Он переучился на летчика-штурмовика, сделал несколько десятков боевых вылетов. В одном бою при штурме немецкой колонны врезался в дерево.

Что стало со стрелком Михаилом Богомоловым, решившим закончить свое участие в войне в июле 41-го, не знаю.

Проехав полтысячи километров от Кременчуга до Курска, я всю дорогу пытался найти ответ на вопрос: «Что такое судьба и как человек зависит от неё?» Я вспоминал своего школьного товарища – Толю Голодникову, с которым мы вместе были призваны в армию. После окончания ШМАС меня оставили в Воронеже в резервном авиационном полку (164 РАП), а его отправили на Кавказ в авиационный полк. На первом же вылете он погиб. Когда я приехал на побывку домой (еще до войны), мне пришлось повидать его мать. Рассказывая ей о смерти сына, читал в ее глазах упрек: «Почему погиб Толя, а не ты?». За семь лет моей службы в авиации такая ситуация складывалась много раз. Как в песне: «До тебя мне дойти далеко, а до смерти четыре шага...»

Прожив на этом свете почти 90 лет, я так и не нашел ответа на этот вопрос...

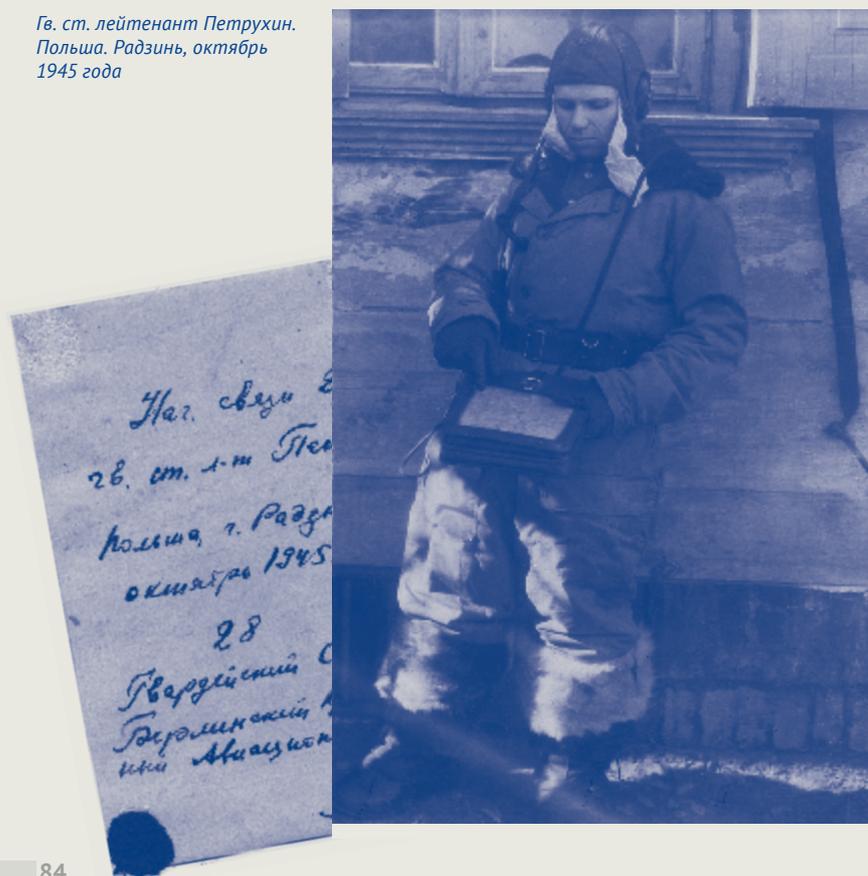
Николай Пасечник
1917–1942

П.И. Федосов (Федосеев)
1919–1942

Гв. ст. лейтенант Петрухин.
Польша. Радзиль, октябрь
1945 года

Григорий Тарубаров
1927–1944

Александр Александрович ГЛОТОВ

(10.11.1921—07.03.2014)

Родился во Владивостоке в семье потомственных уссурийских казаков. Учился в средней школе в Хабаровске. В 1933 году семья из-за угрозы репрессий переехала в европейскую часть страны и осела в Курске. В 1939 Александр Гловтов окончил курскую школу № 9, поступил в Николаевский кораблестроительный институт, но с 1-го курса был призван в армию. Окончил Школу младших авиационных специалистов (ШМАС).

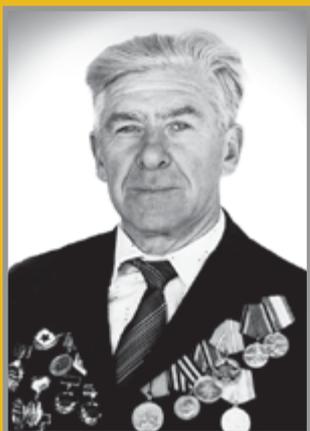
Участник Великой Отечественной войны. Демобилизовался в августе 1946. После войны получил высшее образование в Харьковском институте механизации и электрификации сельского хозяйства. Работал в Курском областном управлении сельского хозяйства, Курском училище механизации сельского хозяйства, Курской межобластной совпартшколе, позже переименованной в техникум по подготовке руководящих кадров колхозов и совхозов.

Член областного общества «Знание».

В 1986 году вышел на пенсию и продолжил работу в качестве электрика, плотника и столяра на Курской биосферной станции института географии Российской Академии наук.

Награжден боевыми медалями и орденом.

Александр Александрович ГЛОТОВ

(10.11.1921—07.03.2014)

Участник Великой Отечественной войны.

Демобилизовался в августе 1946.

Награжден боевыми медалями и орденом.

После войны окончил Харьковский институт механизации и электрификации сельского хозяйства.

Работал в Курском областном управлении сельского хозяйства, Курском училище механизации сельского хозяйства, Курской межобластной совпартшколе, позже переименованной в техникум по подготовке руководящих кадров колхозов и совхозов.

Член областного общества «Знание».

К 75-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне Курская картинная галерея публикует воспоминания Александра Александровича Глотова.

Небольшой текст охватывает события с мая 1937 до сентября 1946 года.

В мемуарах нет пафоса и сентиментальности, но масса подробностей и деталей, делающих повествование объёмным и живым.

Что позволяет нам – читателям – понять, что история слагается из повседневности, из множества «историй», поступков и впечатлений обычных людей.